РОВЕСНИК

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Июль, 1976 год, № 7

На первой странице обложки: участница состоявшегося в конце апреля в Дортмунде фестиваля, на который съехались десятки тысяч молодых рабочих, студентов, учащихся ФРГ. Во время этой встречи, организованной Социалистической немецкой рабочей молодежью и марксистским студенческим союзом «Спартак», проведены дискуссии о проблемах молодежи, о мире и безопасности в Европе, о солидарности с борцами против реакции и фашизма.

ПРОСТО РАЗГОВОРЫ и другие материалы: записи задушевных бесед, ожесточенных споров, философских монологов и просто разговоров людей из разных стран о том, как складывается их жизнь.

БРЮССЕЛЬ. Проблема безработицы среди молодежи — одна из самых острых проблем в странах «Общего рынка». Об этом свидетельствуют опубликованные здесь данные комиссии европейских сообществ. Так, в середине 1975 года в «девятке» насчитывалось около 1,5 миллиона безработных в возрасте до 25 лет.

Больше всего безработных среди молодежи во Франции — 462 тысячи человек. В Англии их число превышает 436 тысяч, в Италии — более 369 тысяч человек, в ФРГ — свыше 287 тысяч, и в Бельгии — около 90 тысяч человек.

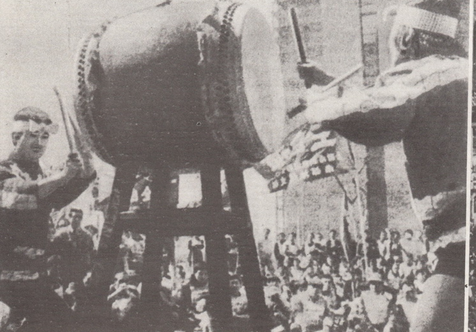
ТОКИО. Грохот барабанов, раздавшийся перед штаб-квартирами ряда крупных фирм, возвестил жителям японской столицы, что эти компании замешаны в позорном деле со взятками, нити которого тянутся к американской авиастроительной корпорации «Локхид». Как выяснилось, за спиной «Локхид» действовало американское ЦРУ, которое на протяжении всего послевоенного периода способствовало подавлению демократического движения в Японии. Недовольство широкой общественности, в том числе и молодежи, импортируемой из-за рубежа коррупцией и вмешательством во внутренние дела еще более усугубило переживаемый страной кризис.

На снимке: «барабаны позора» на улицах Токио.

МОСКВА. 24 апреля — в Международный день солидарности молодежи — в ПТУ № 47 состоялся вечер интернациональной дружбы. В нем приняли участие студенты из ГДР, ДРВ, Ирака, Конго, Кубы, НРБ, Сомали, ЧССР, Эфиопии, обучающиеся в московских вузах. Эта встреча была особенно интересна для молодых строителей тем, что большинство гостей — их будущие коллеги, и поэтому разговор на профессиональную тему был общим. Представители делегаций рассказали о жизни и труде молодежи своих стран, выразили благодарность за то, что им предоставлена возможность учиться в СССР, говорили о международной солидарности, которая укрепляется в результате подобных встреч.

ПАРИЖ. Конец учебного года во Франции ознаменовался новым мощным взрывом студенческого возмущения. Более чем в 30 университетских центрах страны прошли массовые митинги и демонстрации в знак протеста против предложенной правительством реформы высшего образования, подчиняющей учебный процесс интересам крупных предпринимателей. За последние годы это самая жаркая университетская весна во Франции.

На снимке: манифестация студентов и преподавателей. Они не хотят пополнить уже существующую 1,5-миллионную армию безработных.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

НЬЮ-ЙОРК. Генеральный секретарь Коммунистической партии США Г. Холл дал интервью газете «Дейли уорлд», в котором остановился на проблемах и задачах американской молодежи.

В настоящее время молодежь США сталкивается с острыми проблемами, указал Г. Холл. Большая, чем когда-либо в истории, часть молодежи оказывается на положении изгоев в обществе, не имеет работы.

В США вообще и среди молодежи в особенности усиливаются антиимпериалистические настроения. Генеральный секретарь Компартии США отметил, что в ходе недавних опросов общественного мнения большинство американцев, особенно молодежь, отвергало идею военного вмешательства США в каком-либо районе мира. Эти американцы полагают, что решение проблем надо искать в проведении политики разрядки напряженности.

Руководитель американских коммунистов указал также на рост интереса у американской молодежи к изучению марксизма-ленинизма.

Г. Холл подчеркнул далее, что рост классового самосознания американской молодежи открывает широкие возможности для развития ее массовой борьбы за свои права. Он отметил, что во многих массовых выступлениях молодежи США в последнее время американский комсомол — Союз молодых рабочих за освобождение — проявил себя как ведущая сила молодежи. Союз пользуется особенно большим влиянием среди молодых рабочих, представителей национальных меньшинств.

МАНАГУА. В Никарагуа начались «патриотические дни молодежи». В стране проходят митинги, на которых молодежь требует отмены военного положения, освобождения политических заключенных и соблюдения автономии университетов.

Эти мероприятия проводятся молодежными организациями, входящими в Демократический союз освобождения, который объединяет наиболее прогрессивные политические течения, находящиеся в оппозиции к режиму Сомосы.

Сотни рабочих, студентов и крестьян собрались в городе Гранаде на открытие «патриотических дней молодежи». Состоялись большие митинги в городах Леоне и Масае. Намечен общенациональный митинг в столице Никарагуа. Все эти акции выражают протест не только молодежи, но и всего народа Никарагуа против кровавой диктатуры Сомосы.

БЕЛФАСТ. Вот уже семь лет льется кровь на многострадальной земле Северной Ирландии. Только за последние месяцы в результате развязанного ультраправыми экстремистами террора погибли десятки людей, в том числе женщины и дети. Несмотря на присутствие 15 тысяч английских солдат, введенных в Ольстер с целью «защиты мирного населения», города продолжают сотрясать взрывы бомб, перестрелки.

На снимке: солдат из патруля в Лондондерри успокоился: бомб в детской коляске нет.

КАРАКАС. Пятьсот делегатов из стран Латинской Америки и от международных организаций, присутствовавших на 2-й Латиноамериканской университетской встрече солидарности с чилийскими студентами и против фашизма, закончившей свою работу в Каракасе, единодушно осудили фашистскую хунту и обратились к мировой общественности с призывом крепить активную солидарность с мужественным чилийским народом, борющимся против фашистского гнета.

На встрече была принята резолюция в поддержку требований об освобождении Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана и других борцов, которые томятся в тюремных застенках диктатуры и жизням которых угрожает опасность.

Участники встречи призвали правительства своих стран разорвать отношения с чилийской фашистской хунтой, прекратить предоставление ей каких бы то ни было кредитов и оказание помощи, способной содействовать сохранению ею власти.

ЙОХАННЕСБУРГ. В результате политики апартеида в ЮАР ежегодно выпускается 110 белых врачей на 1 миллион белых граждан, 70 азиатских врачей на 1 миллион азиатов, 9 цветных врачей на 1 миллион цветного населения и менее одного африканского врача на 1 миллион африканцев, пишет профессор Филипп Тобиас, заведующий анатомическим отделением Витватерсрандского университета, в статье, опубликованной газетой «Ранд дейли мейл».

Профессор Тобиас считает, что политика ограничений, проводимая правительством, не имеет оправдания в сегодняшнем мире.

ВАШИНГТОН. Тысячи жителей столицы США прошли в марше протеста от Белого дома до здания конгресса, требуя работы, снижения цен и сокращения военных расходов (подобные демонстрации были организованы Национальной коалицией борьбы с инфляцией и безработицей в 7 городах страны). Более 1500 человек составляли колонну Молодежного совета Национальной коалиции, среди них студенты Гарвардского университета, представители Союза молодых рабочих за освобождение, Молодежного совета Бостона. Члены коммунистической партии вышли с призывом объединения в борьбе белого и черного населения США: «Расовая дискриминация и экономическое неравенство — звенья одной цепи».

На снимке: участники демонстрации требуют работы.

5214

смотрите:

...Вот и приехала война. С танками, вездеходами и солдатами, которые должны на маневрах делать свое дело: учиться убивать или от пуль и снарядов защищаться; учиться танками утюжить равнины и горы или окапываться среди пшеничного поля... Тут ведь дело простое: здесь, в Сардинии (а также во Фландрии, Шропшире, в Тронхейских окраинах, по рейнской плодородной земле), по городам и огородам проходит важнейшая линия обороны: НАТО обороняется. Это неважно, что нет войны и никто этим странам не угрожает; важно вот что: НАТО «обороняется», НАТО готова выступить в поход.

Вот и приехала война... Вот и встречаются с ней крестьяне забытой богом, а тем более правительством, Сардинии. Крестьяне, которые собирались собирать урожай. Крестьяне, у которых на руках есть сын, дочь, внук и внучка и у которых есть, оказывается, на руках НАТО и война...

Фотоочерк
Адриано МОРДЕНТИ
[«Унита», Италия] —
для «Ровесника»

„РАЗОРУЖЕНИЕ ЕСТЬ ИДЕАЛ СОЦИАЛИЗМА"

Р. ВИКТОРОВ

ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦК КПСС И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА БЫЛА И ОСТАЕТСЯ — КАК ЭТОГО И ТРЕБОВАЛА ПРОГРАММА МИРА — БОРЬБА ЗА ПРЕКРАЩЕНИЕ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ, ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ. СЕГОДНЯ ЭТА ЗАДАЧА СТОИТ ОСТРЕЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде партии

Сегодня эта задача стоит острее, чем когда-либо... В справедливости этих слов убеждены миллионы людей. В них невысказанная боль самой земли, десятки миллионов гектаров которой покрыты жесткими панцирями современных аэродромов, взрыты наиусовершенствованными военными полигонами и шахтами для боевых ракет. В них натужный стон морей и океанов, изборожденных тысячами боевых кораблей. В них вздох земной атмосферы, пробуравленной иглами многотонных ракет, вспоротой тысячами сверхзвуковых боевых машин. На военных складах лежат миллионы единиц стрелкового оружия, многие миллионы тонн взрывчатых веществ, крупные запасы машин, приборов, горючего, ядохимикатов и огромное количество другого снаряжения, созданного руками человека и готового обернуться страшной силой против самого человека.

Все это можно измерить и выразить в колонках цифр. Только их астрономические значения уже трудно постижимы для нормального человека. Можно ли, например, представить зримо, что такое 8 триллионов долларов? А именно столько стоили человечеству войны и гонка вооружений за первые три четверти XX века. 500 миллиардов долларов стоит различное военное имущество, которое хранится сейчас на Земле. И это лишь частичное материальное выражение той чудовищной силы, которая зовется военной машиной. Частичное потому, что есть еще тысячи крупных военных заводов и институтов, учебных заведений и строительных организаций. Есть миллионы людей, одетых в военную форму. Есть, наконец, то, что в наше время получило определение: военно-промышленный комплекс, то есть система, накрепко соединяющая в мире капитала все материальные и духовные элементы военной машины. Все это похоже на самораскручивающуюся спираль, нацеленную против своего творца — человека.

Сегодня эта задача стоит острее, чем когда-либо... Американский социолог Аймен А. Геттинг свел как-то в столбцы цифр трагические страницы человеческой истории. Закономерность, которую он вывел на основе такого математического анализа истории войн, он назвал «раскручиванием спирали смерти». Каждые полстолетия, начиная с XIX века, количество тех, кто встретил свою смерть на войне, вырастает в 4,5 раза. Население планеты в первой половине прошлого века насчитывало немногим более миллиарда человек. В 92 войнах тех лет погибло 800 тысяч человек, или около одной десятой процента от всего населения. В 1860 — 1899 годах потери в 103 войнах составили 4,6 миллиона человек, или уже 0,4 процента населения. Из двухмиллиардного населения первой половины XX века 42 миллиона нашли свою смерть на полях сражений 117 войн (это не считая потерь среди мирного населения). Дальше автор, следуя выведенной им закономерности, экстраполирует ее на будущее. Вот каким, по его представлению, может быть конец нашего и первая половина следующего века. До 1999 года в 120 войнах (вот ведь какая точность!) погибнет 406 миллионов человек, или более 10 процентов от почти четырехмиллиардного населения планеты. А в следующее пятидесятилетие такая участь может ждать уже почти половину человечества. Через 100 — 130 лет в войнах может быть уничтожено все население Земли.

Пусть этот прогноз далек от истинно научного подхода — математика, безусловно, полезна, правда, не для того, чтобы в будущее переносить исторические и политические реалии вчерашнего дня. Но это страшное предупреждение против величайшей опасности, которая грозит человечеству, если и дальше будет безудержно раскручиваться спираль смерти, спираль гонки разрушительнейших вооружений. Марку Твену приписывают самый короткий рассказ, весь жуткий смысл которого

вместился в два предложения: «Молодой человек сидел на бочке с порохом и курил. Покойнику было 20 лет». Не напоминает ли человечество героя этого рассказа, с той, правда, разницей, что может не остаться уже ни слушателя, ни рассказчика, который поведал бы о возрасте, в котором ушла из жизни человеческая цивилизация? Не допустить, чтобы эта чудовищная сигарета была зажжена, избавиться от самой пороховой бочки — вот в чем важнейшая и человечнейшая из задач человека.

Сегодня эта задача стоит острее, чем когда-либо... И для ее решения благоприятных условий куда больше, чем когда бы то ни было в историческом прошлом. Выросла и становится решающей сила, сама внутренняя сущность и смысл которой состоят в противоборстве войне и агрессии, гонке вооружений и милитаризму. Эта сила — социализм.

В противоположность социализму империализм не только противодействует мирным усилиям, но и пытается подвести под гонку вооружений теоретическое обоснование. В основе таких теорий всегда лежали вполне определенные классовые цели. Со времени рождения первого в мире социалистического государства, а затем появления и укрепления мировой социалистической системы противоборство двух миров, классовая борьба стали неотъемлемой чертой международных отношений. В основе различных по названиям стратегических концепций империализма, его военных и политических доктрин всегда лежали одни и те же вполне определенные классовые цели: экспансия, ущерб социализму. Доктрины «устрашения», «сдерживания», «освобождения», «отбрасывания» коммунизма, «массированного возмездия» были специфической военно-политической начинкой того курса внешней и внутренней политики империалистических держав, который получил название политики «холодной войны». «Холодная война» вместе со всем ее политическим и социально-психологическим арсеналом стала удобной ширмой для небывалого наращивания орудий и средств ведения войны «горячей». Вот почему историческую ответственность за эскалацию вооружений нельзя возлагать на все человечество или делить ее поровну. Единственно империализм есть та сила, которая заинтересована в наращивании гонки вооружений и нагнетании международной напряженности.

Более чем откровенно выражают на сей счет свои мысли современные противники разоружения. «Без вооруженных сил, систем оружия и военного снаряжения, — написано в одном из номеров американского журнала «Милитари ревью», — любой режим очень скоро станет умозрительной абстракцией. Самоочевидно, что только вооружения создают ту необходимую принудительную силу, которая способна обеспечить и, когда это требуется, восстановить действие механизма «господство — подчинение» в отношениях между странами».

На этом построены в конечном счете и все до сих пор дебатируемые на Западе доктрины, призванные обосновать необходимость будущей гонки вооружений, — доктрины «взаимного сдерживания», «худшего случая», «баланса сил», «превосходства», «взаимного паритета», «достаточности». За ними, больше и чаще призванными работать на публику, стоят куда более весомые и влиятельные интересы, правда, слишком земные, чтобы быть высказанными прямо избирателю «демократического» буржуазного общества: интересы монополий.

Правильно понять трудности, стоящие на пути решения проблем разоружения, можно, только до конца уяснив себе социально-экономическую сущность милитаризма в современном капиталистическом обществе, сущность того, что принято называть военно-промышленным комплексом, а если еще точнее — административно-военно-промышленно-научным комплексом, являющимся исключительно мощным носителем современной идеологии милитаризма. Не заводы, производящие вооружения, и уж тем более не их рабочие и средний технический персонал составляют ядро этого комплекса. Воротилы крупного бизнеса, их лобби в законодательных органах и правительствах. Верхушка армии, заинтересованная в новых видах вооружений и их разработке. И небескорыстно, конечно. Политики государственного аппарата, чьи обязанности в этом комплексе состоят в том, чтобы обеспечивать перманентное состояние напряженности. Любым путем. При отсутствии реальных конфликтов — путем их прямой фабрикации. Как это было с так называемым «тонкинским инцидентом»[1], сфабрикованным для «пристойного» юридического обоснования прямой агрессии США во Вьетнаме.

[1] *В июле 1964 года военные корабли 7-го флота США, вторгшись в территориальные воды ДРВ в заливе Бакбо (Тонкинском заливе), спровоцировали вооруженные столкновения. Затем флот и авиация США подвергли бомбардировке и обстрелу побережье ДРВ. 6—7 августа конгресс США принял так называемую «Тонкинскую резолюцию», которая санкционировала эти действия американской военщины и предоставила президенту Л. Джонсону право использовать вооруженные силы США в Юго-Восточной Азии. — Прим. ред.*

Вот это и есть главные, решающие звенья машины милитаризма в капиталистическом мире, того «зловещего союза», который, как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, «оказывает растущее влияние на политику многих империалистических государств, делает ее еще более реакционной и агрессивной». Разоружить эту «элиту политики вооружений» современных капиталистических государств — дело, пожалуй, куда более сложное, чем уничтожить само оружие. Гонка вооружений в капиталистических странах сегодня, как считают многие буржуазные авторы, значительно меньше связана с внешними факторами, чем с внутренними. И это нельзя не иметь в виду в борьбе за достижение реального разоружения. Известный американский экономист, профессор Дж. Гэлбрайт писал, что «военный комплекс представляет собой коалицию генералов и потворствующих им промышленников. Цель — взаимное обогащение: они помогают друг другу набивать карманы».

Есть и другая сторона у проблемы гонки вооружений. Проблема, которую на Западе часто определяют как «тиранию технологии вооружений». Суть ее в цепной реакции, согласно которой изобретение одного вида оружия или системы вооружения ведет к немедленному ответу — созданию или разработке соответствующего контроружия. Причем делают это даже не потенциальные противники, а сами авторы первого изобретения. Гонка вооружений измеряется далеко не просто количественными показателями единиц вооружения. После второй мировой войны и особенно в последние годы главной чертой гонки вооружений стало их качественное совершенствование. Это в немалой степени усложняет сегодня достижение договоренностей по сбалансированному сокращению вооружений. Спору нет, роль научно-технической революции в наращивании мощи вооружений велика. Однако не наука сама по себе и не непреложная логика ее развития, как это утверждает кое-кто на Западе, виновны в раскручивании спирали гонки вооружений.

С появлением таких видов оружия массового уничтожения, как ядерное и термоядерное, и развитием средств его доставки становится бессмысленной сама война, которая фактически уже не может принести победы ни одному из потенциальных противников. Эти выводы в конце 50-х годов стали достоянием гласности и в США после того, как Институт оборонных анализов подсчитал количество ядерных бомб и боеголовок, достаточное для уничтожения США, и предсказал их наличие в СССР.

Реальность нового соотношения сил и мощный рост движения протеста против гонки ядерных вооружений заставили задуматься даже наиболее горячие головы в Пентагоне. Но остановило ли это гонку ядерных вооружений? Нет. В свое время, во второй половине XIX века, А. Нобель, изобретя динамит, заявил: «Может быть, мои заводы покончат с войной скорее, чем ваши конгрессы... В тот день, когда два крупных армейских соединения смогут мгновенно уничтожить друг друга, все цивилизованные нации придут в ужас и распустят все армии». Теперь все более очевидно, что покончить с войной, остановить гонку вооружений нельзя, наращивая ее средства, увеличивая и без того катастрофический потенциал все новых и новых средств оружия массового поражения. Покончить с войной можно только одним способом — разоружением.

Развитие военных исследований действительно дало толчок появлению целого ряда новых отраслей промышленности, коренному изменению старых. Атомная промышленность, производство электронно-вычислительной техники, ракетная промышленность — лишь некоторые из них. Создание мощных систем оружия привело к расширению кооперации и интернационализации военного производства и военных исследований. На основе объединения десятков крупнейших промышленных комплексов в США создавалась атомная промышленность, строились атомные подводные лодки-ракетоносцы, ракеты «Минитмен», «Поларис», «Посейдон». Так разрабатывается и новая ракетная система «Трайдент» и бомбардировщик Б-1. Многосторонний характер носит система дальнего радиолокационного обнаружения «НОРАД», расположенная на двух континентах.

Означает ли, однако, это, как утверждают противники разрядки напряженности, сторонники продолжения гонки вооружений и пессимисты от разоружения, что поиски приемлемых путей разоружения стали невозможными? Быть может, отказ от военных исследований и разработок, являющихся сегодня одним из самых развитых и передовых звеньев современной науки, приведет — как считают те же апологеты вооружения — к снижению достигнутого уровня самой науки? Факты говорят об обратном. Сложившиеся в военной области тенденции и достижения науки создают хорошие предпосылки для объединения ее мощных усилий с целью решения сложных и крайне важных общих задач мирной жизни человечества. Именно эту цель преследуют предложения Советского Союза о проведении — как

на стр. 21 ▶

ПРОСТО РАЗГОВОРЫ

Вашими гидами в этом номере, читатель, будут советские и иностранные журналисты, приславшие очерки из самых разных уголков земного шара о самых разных людях. Но все эти материалы объединяет один, как принято говорить в журналистике, «ход». И чтобы вы сразу его почувствовали, мы решили предварить подборку небольшим пояснением.

Вот как делался этот номер.

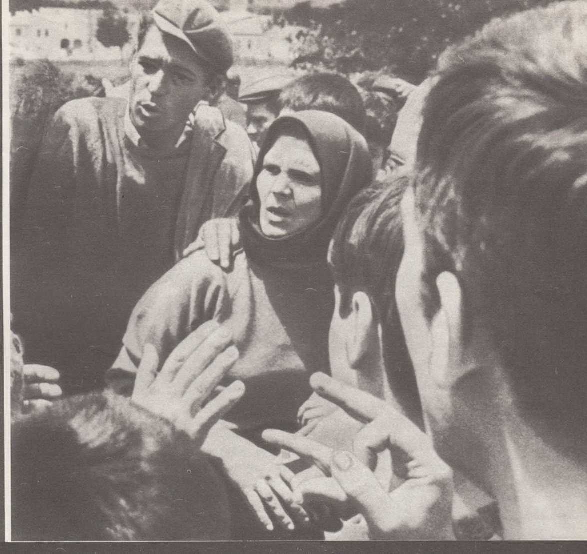
Нам хотелось, чтобы вы смогли «пощупать», что ли, самую

Ситуация для Италии типичная: обычный бар в столице, обычная публика — люди случайные, забежавшие перекусить по дороге, и завсегдатаи, встречающиеся каждый день. Ситуации, повторяем, типичная. Как и разговоры — о себе, о соседях, футболе, политике, ценах — о жизни.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

«С удью на мыло! — а что, разве не из-за него, да что там говорить! — только из-за него «Лацио» продула «Наполи»... А эти-то, неаполитанцы, — их ведь, говорят, тысяч сорок привалило на римский стадион — сразу затянули свою «о вита, о вита миа»; оно и понятно — ведь этот несчастный, вымученный гол на двенадцатой минуте сразу их вывел на первое место. Да что я тебе рассказываю, сам знаешь...» — «Я-то знаю, но и твои лацьели (то есть болельщики клуба, представляющего провинцию Лацио, в которую входит и

обыденную жизнь, не всегда удостаиваемую вниманием газет, узнать, чем, так сказать, дышат простые люди, о чем они думают, беспокоятся, говорят... Вот-вот: о чем говорят. Вы можете сказать: да мало ли о каких пустяках, что тут интересного? Но в том-то и дело, что, во-первых, и за пустячным фактом порой проглядывает большая, трогающая всю страну тема, а во-вторых, — замечали, наверное? — часто самый «простой» разговор незаметно для собеседников перескакивает на очень серьезные вещи. И далеко не всегда можно отличить пустяк от непустяка. Поэтому давайте прислушаемся к тому, о чем разговаривают завсегдатаи итальянских баров и люди на паромной переправе во Вьетнаме, ребята, приехавшие в Лондон искать работу, и полицейские, проводящие «акцию» в заштатном городке Соединенных Штатов, обитатели «цветных» гетто ЮАР и болгарские геологи. Это небезынтересно...

В БАРЕ НА УГЛУ

Энцо РАВА,
итальянский публицист, — для «Ровесника»

Рим. — *Прим. пер.*) тоже хороши: так разбушевались, что опять стали стрелять из ракетниц, опять швыряли на поле пивные бутылки, они бы весь свет разнесли на куски — ты погляди, что эти бандиты творили на улице: перекрыли движение, избили автобусного кондуктора из-за того, что тот болеет за «Рому» (вторая команда столицы. — *Прим. пер.*) и радовался как сумасшедший поражению бело-голубых...»

Кому же не ясно, что чаще всего в баре говорят о таких вот пустяках. В понедельник и во вторник, а бывает, что и в среду, в баре обсуждают воскресные матчи; вот в четверг, а уж в пятницу-то и субботу наверняка, разговор идет о матчах близящегося воскресенья. В нынешнем городе — этом логове чудовища, протянувшего свои щупальца по улицам и переулкам, в этом бездушном хаосе атомов, как выражаются социологи, — так вот в этом городе бар стал местом встреч людей с улицы, стал тем местом, каким когда-то была старая, добрая остерия, и собираются люди в баре так же, как когда-то собирались у папертей сельских церквей, на центральной площади городков. Что может быть лучше бара, когда люди тянутся к общению, когда манит их к товариществу, к другим людям...

Конечно, некоторые еще не забыли дорогу к церковному приходу, у других есть партия, или профсоюз, или клуб, третьи предпочитают встречи в узком кругу друзей; но бар от этого не перестает быть баром, современным изданием римского форума, где каждый горожанин, не особо сдерживая себя формальными рамками языка и принятых оценок, волен обсуждать любые проблемы, в

той или иной степени волнующие остальных. Здесь за каждым зарезервировано право вмешаться, каждый гнет свою линию — чем не свободная трибуна! — а кто не согласен, топай домой!

Конечно, есть бар и бар, и прежде чем вы возьмете там слово, неплохо знать местный устав: есть такие, в которые в основном ходят болельщики «Лацио», — понятно, что там лучше не распространяться о достоинствах «Ромы»; но есть бары и для «романистов», где посетители давно уже камня на камне не оставили от «Лацио»; есть такие, где самые частые посетители — «хипповатые» мальчики, но есть и такие, куда ровно в 11 утра сомкнутыми и строгими колоннами входят служивые министерств и судов; есть такие, что служат притонами для банд хулиганов и центрами наводки для воров, но есть и такие, расположенные по соседству со зданием коммунистической секции, что аккуратно загружают ее активистов кофе и бутербродами, а взамен — первыми! — приобретают листовки и свежие номера «Унита». Есть бары с традициями (традиции тоже разные — одни связаны с традиционно вкусным мороженым, другие с историческими воспоминаниями — «здесь сидел поэт...», «там пил чай министр...»); есть бары-искушение, куда в определенно поздний час ночи приходят перекусить веселые девицы, и бары ночные, закрывающиеся ко времени завтрака; бары для снобов и бары для несчастных, бары двусмысленные и бары наивные, бары честные, где кофе такой, что не попробуешь и дома, и бары-разбойники, где вместо кофе — вода из-под грязной посуды... В общем, разные бары, их тысячи и тысячи в городе, ведь средний итальянец не выживет без (тоже в среднем) пары чашек кофе в день — утром между десятью и одиннадцатью он использует свое профсоюзное право на завтрак-обед, в выходной или праздничный день он выпивает там свой аперитив с чем-нибудь мучным на закуску, уж не говоря о том, что бар — чуть ли не единственное место, где эпизодически ли, нечаянно или ритуально с нашим средним итальянцем происходят самые важные для него события: свидания с девушкой, встреча с другом, деловая беседа; именно там, в баре, нередко начинается день, и там он частенько заканчивается. Что ж удивляться тому, что в баре говорят обо всем...

«Судью на мыло, он продался соперникам, и вообще он сукин сын...» — это так, чтобы начать. Но ведь не футболом единым: погода, как положено... Кавальере, дотторе, профессоре, раджоньере, инженьере, но, впрочем, и жестянщик, каменщик, служащая, продавщица привычно, по-свойски машут рукой кассирше или парню за стойкой, при этом говоря: «Хорош денек, а? И это в декабре!..» И тут же другие: «Господи, ну и холодина, а ветер-то, ветер! Да уж такого декабря я не упомню...» Обычно первый визит в бар, утренний визит, быстр и скоротечен, все мчатся в контору, на завод, в магазин; так что понятна общая рассеянность, склонность к малозначащим замечаниям — так сказал, и привет. Но настоящее «время бара» начинается позже, поздним утром; тогда-то можно не торопиться и не торопить, можно поговорить о многом, например о преступности... «Что вы скажете, раджоньере, о туринском преступлении? Опять ведь похищение человека — да какого! — свекрови дочери Аньелли[1], а ведь ее наверняка охраняли нанятые «гориллы»[1]. Вы мне скажите, кто сейчас в безопасности?!» — «А забавно, сколько они с Аньелли запросят. Уж наверняка не меньше десяти миллиардов...» — «Но вот что поразительно — эти дураки полицейские никого не могут поймать, ну хоть одного, хоть по ошибке. Нет, вы мне скажите — что она делает, наша полиция?..»

А спор все разгорается: чья же это, в самом деле, вина, что преступность растет как на дрожжах? Полиции? («Да она заснула мертвым сном...» — «Да нет, она просто плохо вооружена», — говорит другой. «Скорее это потому, что она больше занята демонстрациями, чем преступлениями», — замечает третий. «Полиция меньше всех виновата, — возражает четвертый. — Она хватает преступников, а суды их отпускают на все четыре стороны».) Значит, судебные власти; не они ли в действительности всему виной? («Да этих судейских давно завалили папками пыльных «дел»...» — «Единственная их забота — как бы усидеть в своих креслах...» — «А что они, в сущности, могут сделать, если один закон говорит одно, а второй гнет совсем в другую сторону?..» — «Да и политики тоже на них жмут, и каждый хочет своего...») А может, виновных надо искать совсем в другом месте? («Где, я вас спрашиваю, сегодня все то, что прежде называли христианскими добродетелями?..» — «Вся эта коррупция к нам из Америки ползет, вот что я вам скажу...» — «Да послать этих молодых бездельников и горлопанов мотыжить землю, сразу тогда тихо станет...» — «А вы посмотрите, что наверху-то делается! Почему это министру воровать можно, а какого-нибудь бедолагу надо за это тащить в кутузку?..») А может, вся черная хроника в газетах сознательно кем-то раздувается? («Нет, никто не переубедит меня, — твердит упрямо кто-то над чашкой кофе. — Я знаю одно: все эти запугивания и паника, все эти убийства и похищения определенно играют на руку кое-каким политикам. Да и деньги-то от этих выкупов сами знаете, куда идут...»)

Случается и так (увы, случается), что среди посетителей бара находится человек, сам попадавший в переделку: или его вместе с остальными бандиты держали с поднятыми руками в банке, подвергшемся нападению, или он сам видел, как стреляли мафьози из автомата, сводя счеты с провинившимся «коллегой», или сам присутствовал при ограблении — такого слушают с особым вниманием: «...Так вот я и говорю, их двое было на мотоцикле, совсем еще мальчишки — одному лет семнадцать, другому чуть побольше; и вот тот, что сзади сидел, закрывает газетой номер, другой рукой вырывает у женщины сумку, а первый тотчас же врубает газ — только их и видели. Старушенция-то упала на асфальт и сначала принялась было плакать, а потом стала смеяться. «У меня ж, — говорит, — там только мелочь и была. Вот бы посмотреть на этих подонков, когда они откроют сумку...»

Мнений и здесь сколько угодно: «Я бы сажал в тюрьмы родителей таких молодцов. Не сумел воспитать ребенка, отправляйся в тюрьму...» — «А я уверен, что тут всему общество — как им быть честными, если вокруг обман и воровство?..» — «Нет уж, если искать виновных, то тут сомнений быть не может — это школа. Если б она хоть чему-нибудь учила...» — «Школа? Да не смешите меня!..»

Вообще школа как пример общей неразберихи и беспорядков считается у нас идеальным поводом для саркастических комментариев: «Чему они там могут научить, если занятия, пока все раскачаются, начинаются не раньше февраля, да и в этом же феврале практически и заканчиваются; да еще прибавьте каникулы...» — «А мой сын говорит, что в школу ходить — только время без толку терять. Лучше, говорит, его на учебу потратить...» — «Была б моя воля, я каждый год процентов десять автоматически выгонял бы из школы. Поучились, и довольно! Тогда в университет проходили бы самые лучшие...» — «Или самые богатые?..» — «Единственно, чему мой сын выучился в школе, так это курению...» — «А что он курит — табак или марихуану?..»

Тут следует молчание. Разговор коснулся темы слишком больной, чтоб позволить шутки, — распространения наркотиков среди молодежи: «Ведь есть такие гады, что раздают наркотики бесплатно прямо у школы. Им нужно, чтоб дети сначала привыкли к наркотикам, а потом ребята сами прибегут к ним за отравой...» — «Я всегда твержу своей дочери — никогда ничего ни у кого не бери, даже у подруги; а если уж случится так, что не сможешь сопротивляться искушению попробовать гашиш, сразу приходи ко мне...» — «Я бы их вешала, всех до одного...» — «Так-таки всех, синьора? Но это ведь разные люди — те, кто потребляет наркотики, и те, кто их продает. Наркоман — тот же больной...» — «Вот-вот, больной. Куда ни посмотришь, кругом одни больные — сумасшедшие, наркоманы, алкоголики, — все больные, всем надо помогать, всем аплодировать; одни мы — те, кто честно вкалывает, — здоровые...»

И снова, как припев, возвращается футбольная тема: «Эх, бросьте! Просто теперешние футболисты не хотят потеть. Чего ему, спрашивается, надрываться, если ему и так за каждый килограмм веса по миллиону платят?..» — «Наш бич — это профессионализм...» — «А я говорю, что тут главное цикл, волна — то вверх, то вниз. Где сейчас, скажем, «Кальяри»? Или «Генуя», первый великий чемпион...» — «Если б они чуть оттянули двух полузащитников...» По пятницам и субботам к обычным обсуждениям добавляются разговоры о ставках; в понедельник же и вторник ставки выплачиваются. Конечно же, это прекрасный случай для веселья — ведь по условиям пари кому-то сегодня достался ужин, кому-то бокал вина, а кому-то досталось право выйти на улицу и троекратно прокричать что-нибудь вроде: «А кто видел такого дурака?» Но кому-то в эти дни приходится и худо — легко ли публично отказываться от своих слов, давать зарок целый год ни слова не говорить о спорте или целовать руку болельщикам команды соперников. И уж конечно же, кто-нибудь по соседству обязательно проворчит: «Да что вы заладили — спорт да спорт, когда все вокруг летит вверх тормашками...» — «Ну вот вы и спасайте; тоже мне выискался спаситель...» — «Я-то выполняю свой гражданский долг, а что касается вас, то это еще надо посмотреть...» — «Нет, поглядите, как распетушился...» — «Да знаете ли, с кем вы говорите?..»

Впрочем, разговоры в барах редко вырождаются в словесные потасовки, в обмен оскорблениями и угрозами; и не так уж часто увидишь, как один из спорщиков, протянув руки приятелям, кричит: «Держите меня, а то я его так разделаю...», в то время как другой, железной хваткой вцепившись в табурет или в поручень стойки, перекрывает его своим криком: «Пустите меня, я от него мокрого места не оставлю...»

---

[1] *Джованни Аньелли — президент фирмы ФИАТ, президент «Конфиндустрия» — «Итальянской ассоциации промышленников». — Прим. пер.*

[1] *Этим латиноамериканским словом в Италии называют наемников-телохранителей. — Прим. пер.*

И все же, повторяю, скандалы случаются редко; куда больше находится вещей, объединяющих людей, чем разъединяющих, — к примеру, налоги. Сколько о них говорят в барах: «Ну что это за жизнь! Я эти чертовы налоги всю жизнь плачу и почти всегда платил аккуратно, но теперь-то, теперь! — они кожу готовы содрать, за каждым шагом следят... Какой мне, скажите, смысл быть честным? Честность хороша, когда она добровольна, не так ли?..» — «Верно, да не для всех. Это за рабочими хозяева так следят, что каждый проступок в строку ставят, ну а сами-то хозяева, их-то кто контролирует?..» — «А хуже всех, я вам скажу, врачи; если послушать их, то все они с голоду помирают... А мой врач вырвал мне зуб, взял с меня двадцать тысяч, а на моей страховке написал две тысячи. Вот я и предлагаю...» Разумеется, каждый предлагает свои средства: одни — отправлять проворовавшихся чиновников на каторгу; другие — реквизировать собственность у тех, кто утаивает доходы от налогов; третьи — сократить налоги на многодетных, а четвертые — на малодетных: «А что, пускай, прежде чем рожать детей, сначала подумают, а то ведь к концу века на Земле будет столько народу, что никакого харча не напасешься!..»

Вообще говоря, разговоры в баре, как правило, более раскованны и откровенны, чем в иных, более чинных местах. В баре сидят локоть к локтю с друзьями, и каждый становится сильнее их поддержкой; здесь никого не удивляет восхищенный свист, сопровождающий каждую красивую девушку, да и сами девушки, сильные такой же поддержкой своих подруг, не пасуют перед нахалами. Когда-то в старом крестьянском мире молодые знакомились на рынке, на площади перед церковью, на танцах во время праздника; сегодня же куда чаще они встречаются в школе, на стадионе или в баре. Найдется бар и перед адресным столом, куда они отправятся, чтобы дать объявление о скорой свадьбе, и бар перед мэрией, где они потом распишутся, и бар, где можно будет выпить с друзьями за здоровье первенца, и бар — как же без него? — где можно поговорить о политике.

Тот, кто еще не убедился в том, что политика — это, в сущности, надстройка экономики, довольно легко может это сделать, понаблюдав за ежедневной жизнью самых обыкновенных людей, а наблюдательным пунктом вполне может быть бар в рабочем квартале. Тут уж наверняка разговор рано или поздно коснется темы кризиса. «Ах, кум Венанцио, — говорит домохозяйка, заглянувшая в бар по дороге на базар. — Ах, кум Венанцио, — говорит она хозяину, сидящему за кассой. — Мне бы вот эту вашу машину, без нее уже не подсчитаешь все счета за покупки; и ведь все суммы-то по четыре цифры, никак не меньше... Где только денег набраться? Чем все это кончится?» — «Да уж с такими обжорами, что сидят у нас в правительстве, — отвечает ей кум Венанцио, — ясное дело, чем все может кончиться».

Что больше всего бесит, так это повышение налогов на общественные услуги: оживленнейшие дебаты в барах, к примеру, вызвал последний скачок в ценах на телефон. Кто предлагал устроить кампанию по неполной оплате телефонных счетов, кто возражал, говоря, что это неверный путь борьбы, так ничего не добьешься, надо заставить правительство пересмотреть все тарифы, всю налоговую политику в общественных службах. «Тем более они-то там пользуются для своих дел министерскими телефонами, — замечает некая девица. — «Джиннита, — звонит министр иностранных дел, — ставь ужин на плиту, я скоро буду». А министр внутренних дел звонит и вовсе не домой. Надень, мол, розовую кофточку... И заметьте, все за счет государства...» Кое-кто пытается вернуть девицу к аргументам более серьезным, к «чистой политике», но та стоит на своем твердо: «Ты говоришь, как по книжке шпаришь, а я как ем, так и говорю...»

Галопирующий, как мы выражаемся, кризис предлагает для обсуждения желающих довольно широкий ассортимент тем: кроме роста цен, тут и растущая безработица — сейчас уже по крайней мере полтора миллиона рабочих потеряли свое место. «А нас они вообще сбросили со счетов, — говорит один парень другому, — мы ведь у них проходим под рубрикой «в поисках первой работы». Это, считай, еще миллион — тех, кто ищет и не может найти эту первую работу».

Тема эта зажигает присутствующих, как огонь паклю: «Ведь что они сделали — облегчили доступ в техникумы и университеты, и все для того, чтобы оттянуть время, когда молодые должны получать работу. Университет — это как стоянка для машин; это, знаешь, как самолетам, когда они подлетают к римскому аэропорту, говорят: «Слушай, полетай немного, все дорожки пока заняты...» Вот и нам приходится по четыре-пять лет кружить на орбите, но дорожки-то так и не освобождаются». Понятно, что безработица особенно жестока в рабочих кварталах, но не меньше унижения и боли встретишь в кварталах, где живет мелкая буржуазия, — представьте, как чувствуют себя молодые люди из хороших семей с дипломами в карманах, вынужденные из-за безработицы коротать время на улице или в баре.

Вот таков привычный круг разговоров о политике. Не надо только думать, что дебаты эти ведутся по всем правилам и каждый из тех, кто берет слово, исчерпывает свою тему до конца. Нет, все идет иначе: один говорит одно, другой ему поддакивает или бросает реплику несогласия, и поехало дальше; все мимолетно и мозаично, иногда хватает одной фразы, одного замечания: «Целых тридцать лет они нам морочат голову, а теперь говорят: «Дайте нам время для новых проектов». «Положение тяжелое!» — кричат они. А кто, как не они сами, создали его?..» Находятся, конечно, и торопыги: «Я бы так сделал: кто за эти последние годы сидел в правительстве, — моментально в отставку, и их уже обратно не назначать». В таких разговорах больше насмешки, настроения, чем серьезных мыслей; но случаются и более основательные рассуждения: «А возьмите Болонью (в Болонье уже многие годы у власти стоят коммунисты. — *Прим. пер.*) — никаких жуликов, и все работает, функционирует. Даже почта!»

Какой-то господин подает свой голос: «Согласен, коммунисты сегодня честны и держат себя в руках. А почему? Потому что им это на руку. А приди они к власти, что-то еще будет?..» В баре, расположенном в народном квартале, вокруг такого господина немедленно воцаряется ледяная тишина. Господину неуютно, и он опасливо озирается. Наконец кто-то хладнокровно подводит черту: «Смотри-ка, трупы заговорили...» Как правило, суждения в разговоре о политике коротки и разяще остры. Кто-то упомянул о социал-демократах. «Ну, эти душки», — роняет другой. Ну а либералы? «Либералы? В самом деле, куда это у нас подевались либералы?» — переспрашивает кто-то, заглядывая под стол. А неофашисты? «За справками обращайтесь в ближайшую помойную яму», — следует ответ.

Иногда, хотя, понятно, реже, в баре услышишь разговоры и на международную тему: «Смотри-ка, смотри, какое же нежное сердце у Пиночета! Видишь, он один из немногих приехал хоронить Франко... Жаль только, Франко не может ответить ему такой же любезностью...» Говорят и о Ближнем Востоке, и Португалии, и уж наверняка об американцах: и полицейские фильмы, и последние разоблачения ЦРУ в Италии — как тут обойдешься без разговоров о США. Тем более и свежие новости небезынтересны: то американский сенатор принимает лидера итальянских неофашистов, то американские корабли теряют радиоактивные отбросы в Тирренском море... Особенно оживляются такие разговоры на следующий день после каких-нибудь дебатов по телевидению: «Этот Фанфани[1] и держит себя, и смеется как-то искусственно...» — «Дался тебе его смех. Важно, что он думает и делает, а это, скажу я тебе, похуже, чем искусственная улыбка...» — «Нет, все-таки телевидение недемократично — оно же в одну сторону работает! Я бы им вчера вечером такое сказал...» — «Надо давно запретить политическим деятелям курить во время передачи. Я вот пытаюсь бросить курить, а они меня провоцируют...»

Нет, трудно, конечно, рассчитывать, что в баре может развернуться и успешно пройти настоящая политическая дискуссия. Бар — это разгул случайного, незапланированного, неуловимого. Там бросают фразы, и если кто-то их подхватывает, то продолжает, чтобы также не закончить разговор. Беседа там общая, хоровая, многоголосая, и каждый, кто входит, волен продолжить ее, не узнавая начала и нимало не заботясь о конце. В этих беседах случаются паузы и не бывает точек. Тот, кто взял бы на себя труд записать такую беседу, не вынес бы из нее особо ценных мыслей, далеко идущих предложений, мудрых заключений. Ведь речь идет так, о болтовне, о шутках, о просто разговорах. Но разве, с другой стороны, так уж неважна статистическая частотность тех или иных тем в разговорах, общее настроение; разве можно игнорировать эти настроения, эти направления в мыслях и чувствах человека с улицы? При фашистском режиме в барах были развешаны угрожающие плакаты: «Здесь запрещено говорить о политике». Режим понимал, что в барах разговоры быстры и свободны, что даже просто разговоры о политике означали критику того же режима, а такую привилегию он резервировал исключительно за собой, оставляя гражданам одно лишь право — слепо повиноваться.

«Все это разговоры в баре», — конечно, можно и так сказать, и отчего бы не сказать, ведь время, проведенное в баре, — время для обмена колкостями, шутками и насмешками, время вздохов и невеселых исповедей. Но что из того? Разве не важны для нас и эти моменты жизни? Моменты, которые так точно вписываются в непрерывный поток текучки, банальностей, ритуальных бесед об отдыхе (спорт, песенки, кино, телевидение), об общих горестях (преступления, налоги, кризис...), о великих проблемах и проблемах личных, решаемых шепотом...

Перевел с итальянского
С. РЕМОВ

---

[1] *Аминторе Фанфани — один из лидеров демохристианской партии. Неоднократно возглавлял кабинет министров. — Прим. пер.*

В ДАЛЕКИХ ГОРАХ, ПО СВОИМ ДЕЛАМ

Стефан ПРОДЕВ,
болгарский публицист, — для «Ровесника»

Ситуация для Болгарии типичная: вчерашний «огород Европы» уверенно превращается в страну развитой электроники, машиностроения, современного сельского хозяйства. Такой процесс не обходится без разговоров...

Мы сошли с поезда и сразу очутились в горах. Тропинка карабкалась вверх, прячась во влажном мраке зелени. Свет едва сочился сквозь листву букового леса, словно тяжелая, стоячая вода, а от стволов и нагромождения камней исходили тонкие струйки пара, дохнувшие на нас дикой геранью и перегнившими грибами. Было совсем рано, все вокруг еще дремало, мокрое, не тронутое далекими лучами солнца, которое всходило над окрестными холмами.

— Видите вон ту ямку? — сказал проводник, указывая куда-то вперед. — Перейдем ее и выберемся на открытое место.

Через час с чем-то выбрались на это открытое место. Дальше тропинка шла по хребту горы до первых деревушек, разбросанных в ее складках. Внизу, в долине, белел вокзал, маленький, точно кусок рафинада, окруженный буйной зеленью.

— Вон где мы были! — проговорил один из моих спутников и швырнул в ту сторону палку. Палка прогудела в воздухе и упала в уходящую круто вниз чащу. Там пискнула испуганно птица.

— Сидят на яйцах. Потому их и не видно было, — сказал проводник и разрешил: — Перекур.

Мы благостно опустились в густую некошеную траву. Нас было четверо: проводник, родом из местных краев, два геолога, приехавших искать какую-то драгоценную жилу, и, наконец, ваш покорный слуга — самый обыкновенный журналист, отправившийся в очередное путешествие, чтобы открыть что-нибудь необыкновенное. Все мы оказались здесь по делу, и потому никого из нас не распирала туристская восторженность. Как раз наоборот: лежа в траве, мы тяжело переводили дух после затяжного для нас, троих горожан, восхождения. Сорвав тонкую горькую травинку и пожевав ее, проводник оглядел нас.

— Тут все так, ребята: холмы, вершины, пригорки. Ровные места попадаются редко. Я еще на вокзале решил вас сразу проверить, потому и полез прямо на хребет. Отдохнете, полегчает...

Геологи засмеялись немного деланно, а я спросил:

— Разве есть и другой путь на эту голгофу?

— Есть! — откликнулся проводник. — Вон там, в стороне от вокзала, проходит автострада. По ней целый день носятся автобусы, грузовики, легковушки. Но мы, здешние, ее не признаем. Мы привыкли к коротким тропинкам и ходим напрямик, через горы...

— А давно провели автостраду? — спросил один геолог.

Проводник отсутствующим взглядом вперился вдаль, словно подсчитывая в уме, потом сказал, и в голосе его мне почудилось неудовольствие:

— Тут ничего не построено давно. Все, что видели и что еще увидите, построено после Девятого[1]. Там, где сейчас автострада, была топь, не пролезешь. При турках в тех местах прятались гайдуки, при фашистах — партизаны. Глухомань была, медведь водился, лисица, рысь. Были пропасти, до дна которых даже самый громкий крик не доходил. Теперь все подругому. Ишь, асфальт, дорожные знаки, зеркала, будки. Цивилизация...

— Вот-вот, — в тон ему заговорил второй геолог, — а хорошо ли это? Где теперь медведи, лисицы, пропасти? Все сгинуло. Ради асфальта загубили столько богатств...

— Да здравствует экология и общество защиты животных! — не сдержался я и добавил: — Должна же была добраться революция до здешних мест?! Без дороги сюда бы и черт не дотопал...

Геолог собрался было мне возразить, но его опередил проводник. Отыскав в траве какой-то синий цветок, понюхав его, он сказал:

— Этот малыш живет в здешних местах, потому что у него есть все, что ему нужно: солнце, дождь, ветер, пчелы... Вот и мы, горцы, так же: нам нужно то, без чего нельзя обойтись. Если подумать, то как без автострады? Верно, она прогнала медведей и засыпала пропасти, но зато от нее нам и электричество, и магазины, кино, пружинные кровати, книги. Безо всего этого мы так бы и оставались дураками, как были целые века. И мне тоже жалко взорванных скал, но вместе с ними мы, слава богу, взорвали и наше простофильство. Знаете, что это были за места до победы? Пустыня! Заросшая пустыня! Кругом дикая природа, ну и люди тоже не доктора наук. Теперь все меняется. Сегодня в самом заброшенном селе найдете газету, телевизор, магнитофоны, стиральные машины. Увидите людей, которые умеют говорить по-русски или по-французски. В одной деревне даже есть пианино. И все это мы получили по асфальту, который соединяет нас с миром...

Первый геолог взял цветок из рук проводника, понюхал его с закрытыми глазами и поддел проводника:

— Чего же тогда вы, местные, не признаете автостраду и ходите по тропкам?

— Э, не лови меня на слове. Это другое дело, браток! — махнул тот рукой. — Горцы — они как козы: привыкли скакать по кручам. Но скакать — это не работа. А автострада — путь к труду.

Геолог рассмеялся.

— Ты прав, дядя! — весело сказал он. — Социализм идет по широким дорогам, а не по горным тропкам. Не слушай моего коллегу, пусть дитятко убивается по медведям. Сегодня это модно. Сам-то он городской и на природу смотрит, как на парк. А мы, селяне, знаем, что земля родит, когда ее

[1] *9 сентября 1944 года в Болгарии произошла социалистическая революция. — Прим. ред.*

взрыхлят плугом. Природу действительно надо беречь, но не за счет же человека. Чего же нас тогда отправили в горы! Если найдем руду, все вокруг перевернется вверх дном. Волей-неволей наше открытие оторвет часть холмов, гор, пастбищ. То, что лежит в земле, достают взрывами, а не стенаниями. Природу эти взрывы не красят, согласен, но люди-то живут в конце концов лучше, увереннее!..

— Браво, дорогой коллега, браво!

Встав на колени и скрестив руки на груди, второй геолог подчеркнуто театрально поклонился первому.

— Итак, все это, — сказал он, тыча пальцем в первого геолога, — так называемое «необходимое зло». Отлично! А кто может сказать, где граница между полезным и неполезным злом? Из окна поезда я видел завод, который задымил всю долину. Листья деревьев стали как из известняка, про траву и не говорю, смотреть жалко. Думаю, там пластмассу гонят. Вот до чего можно дойти, если не думать о природе. Сегодня мы сроем гору, завтра — поле, и так, пока не уничтожим всю землю? А Болгария маленькая, вся на ладони уместится, как говорил один поэт. Если хозяйствовать без головы, недолго и до трагедии. Социализм нельзя строить без оглядки. Гуманизм революции — это и забота о природной красоте.

Разговор накалялся, и поэтому я рассудил, что пора вмешаться; во мне проснулся Соломон:

— Это тот случай, когда спор бессмыслен, ведь каждый из вас прав. И медведи и асфальт — это часть жизни, как, впрочем, и их исчезновение или появление. Природу нужно и эксплуатировать и беречь. Всякая крайность в этом вопросе ведет к материальным потерям и нравственному тупику. Во Вьетнаме есть чудесный закон: можно срубить одно дерево, но взамен ты должен посадить три того же вида. Как видите, просто, но полезно. К сожалению, у нас еще нет такого закона. Но когда-нибудь наверняка будет. Его заставит нас принять нарушенное равновесие между человеческими потребностями и природными ресурсами...

Моя примирительная речь продолжалась бы долго (я собрался было процитировать Кусто, Леонова, Шукшина, Пришвина), но над нашими головами раздался странный одинокий писк. Высоко в синем небе висела птица. Это был хищник, но не похожий ни на орла, ни на сокола.

— Пустельга, — пояснил проводник и добавил с восхищением: — Настоящий истребитель! Врезается в воздух, как веретено, а как завидит внизу добычу, падает камнем. Раз одна такая пустельга приняла мою меховую шапку за мышь, и — хоп! — шапка улетела в небо. Маленькая птаха, а клюв у нее как гвоздь. От нее никто не спасется — ни воробей, ни курица, ни ласка...

Птица описывала в воздухе широкие круги, купаясь в теплом золоте утреннего солнца. Красив, но страшен чем-то был ее полет. Она опускалась все ниже, издавая короткие крики. Наконец она сложила крылья и действительно превратилась в камень. Послышался резкий свист, и через мгновенье пустельга исчезла за зазубренным гребнем близкой горы. Наверняка где-то там, в зеленой чащобе, хищник обнаружил свою закуску.

— Вот вам пример, как природа сама себя убивает ради того, чтобы жить! — философски заметил проводник. И, чуть подумав, решил, что пора трогаться: — Пошли, нам еще далеко.

Мы отряхнули приставшие травинки и двинулись гуськом. Шли мы точно против солнца, и перед глазами все время играли зайчики. Было тихо, как в храме, и только из-под ног, долго шумя, катились камни и падали вниз. Было такое ощущение, точно мы идем прямо на небо. Между нами и небом не было ничего, кроме разорванной паутины да пары бабочек, отяжелевших от ночной влаги. Похоже, всех нас наполняло одинаковое чувство радости, потому что никто не возразил второму геологу, когда тот тихо сказал:

— Таким я представлял себе рай, когда Адам искал Еву!

И словно в подтверждение догадки геолога, слева от тропки пронеслась, рассекая траву, как нож, длинная серебристая молния. Это был большой плоскоголовый уж, который свистит, как залихватский пацан, и, как утверждают, «доит» коров на пастбищах. Пока я нагибался за камнем или прутом, уж издал шипение и скользнул в колючие кусты ежевики.

— Теперь остается только встретить Еву! — заметил я, и все засмеялись.

— Еще встретим, будьте покойны! — откликнулся проводник. — Правда, она не листок носит, а брюки и не бегает босая по траве, а водит машины.

— Бедный Адам! — промычал первый геолог и тут же осведомился серьезно: — И много их в этих заброшенных местах?

— Кого, Ев? — воскликнул проводник и вдруг встал как вкопанный.

— Да нет, не Ев, дядя! Я спрашиваю про машины...

Проводник сдвинул шапку на затылок, с удивлением взглянул на геолога и ответил резко:

— Есть, конечно! Ты что, думаешь, только внизу, в полях, разбираются в технике? Конечно, тут, под небесами, машине труднее, но вы еще сами услышите, как ревут бульдозеры, когда врезаются в холмы. Вчера один наш сказал мне: достать бы нам еще десять таких машин, и — хоп! — быстренько сгладим откос. И он прав. Сделаем складки гор как гладкий медный противень и будем потом сеять там что хотим...

— А какие бульдозеры? — спросил геолог.

— Как какие? Красные, вот такие, огромные, как танки...

— Ясно, ясно! Скажи, какой марки...

— Советские. МАЗы или ГАЗы — не знаю, но советские — это точно. Русские машины! Другие тут у нас не ходят. Было дело, какой-то иностранец попал в наши края. Смотрим, автомобиль у него красивый, богато украшен, ан нет — не хватило у него силенок подняться по склону. Съел у него откос подшипники. Пришлось вытаскивать его трактором и на буксире тащить через горы. Чужеземец ругался по-своему, а мы чесали затылки да советовали ему купить взамен «Москвича»...

— Вы тут весельчаки!

— Такие уж мы уродились, горцы. Тут ведь, если ехать хочешь, не блеск нужен, а сила. Возьмем, к примеру, тракторы. Однажды в госхоз привезли итальянский трактор. Специальная комиссия приехала из самой Софии, чтобы проверить его способности. Трактор был как нарисованный — высокий такой, быстрый, с мягким сиденьем, на стрекозу похож. Доставили его на холм и пустили рядом с советскими тракторами. И знаете, не сумел пройти и одной борозды. Наша землица так крепко его взяла в оборот, что повалил у него во все стороны дым из мотора. А «братушки» — так мы советские тракторы называем — тем временем резали холм, что тебе ледоколы. Не знаю, как в других местах, но тут у нас русская техника всегда занимает первое место.

Солнце припекало все сильнее, и мы стали раздеваться на ходу. Из-под ног выскакивали разбуженные кузнечики, с гор взлетали тучи диких голубей. В одном месте тропка вильнула в узкое ущелье, где текла речка и все кругом заросло буйным тропическим папоротником.

— Искупаемся! — предложил я и сбросил поклажу.

Мы плескались, как дети, зайдя по колено в студеную горную воду. Сидя на мягком папоротнике, проводник смотрел на нас с едва скрытой иронией. Закурил сигарету и утонул в облачке дыма, сразу став похожим на маленького горного духа, что прячется в солнечных бликах на листьях.

— Странные вы люди, горожане, — пробурчал он. — Едва солнце припечет, раздеваетесь догола, разными маслами мажетесь, а воду увидите, так с ума сходите. Глядя на вас, можно подумать, что в городе нет ни солнца, ни воды...

— Нету, увы, нету! — сказал второй геолог, бултыхнувшись по шею в омут. — В городе солнце светит, как сквозь закопченное стекло, а вода течет в трубах. Вы, в горах, счастливые люди...

Проводник усмехнулся.

— Сказки, парень! Я уж их наслушался, хватит. Что ж тогда все с гор бегут в города, а? Почему никого из города не тянет к нам? Наше счастье такое, что редко кто его понимает...

— Сложный вопрос, — произнес я, щелкая от холода зубами. — В городе нет солнца, но есть другие вещи, которые привлекают. Люди не от природы бегут. Просто появилась вторая природа — современная цивилизация. Она предлагает удобства, культуру, развлечения...

— Знаю, — вздохнул проводник. — В городе приятней работать. Я ездил, смотрел: короткие платья, чистые улицы, рестораны с оркестрами, автомобили, магазины, прямо ярмарка. А у нас, ребята, только холмы да небо...

Первый геолог вылез из воды и принялся прыгать, чтобы согреться.

— И так и не так! Есть вещи, которые нельзя заменить другими. В городских ресторанах есть оркестры, но нет домашнего вина. На городских улицах есть короткие платья, но нет настоящего воздуха. Зато теперь город и деревня сближаются. Мы ищем того, чего не хватает нам внизу, а вы, горцы, — того, чего нет в горах. Так будет до того дня, когда исчезнут различия в человеческом труде. Вот ты говорил, что в одной деревне появилось пианино. Значит, деревня догоняет город. Придет время, когда люди начнут возвращаться в родные места. Тогда тут будет не только много солнца и воды, но и много пианино. Теперь к природе лучше идти через культуру...

— Ты, конечно, прав, — примирительно сказал проводник. — Вы люди ученые и знаете больше, чем я. Но пусть уж эта культура работает поскорее. Иначе отсюда сбегут все молодые. Горам нужны не только туристы...

Через полчаса мы вышли из ущелья и, освеженные холодным купанием, зашагали к деревне. Каждый из нас направлялся туда со своим делом. Геологи надеялись напасть на свою самую богатую находку, а я — на интересную тему. Но что бы ни ожидало нас впереди, мы трое уже сделали одно ценное открытие — мы прошли через горы и поговорили о них и о себе.

София, май

Перевела с болгарского В. СЕДЫХ

КТО СТРЕЛЯЛ В ШЕРИФА?

Б. СТРЕЛЬНИКОВ,
соб. корр. «Правды» в Вашингтоне, — для «Ровесника»

Поезд Чикаго — Новый Орлеан пришел в Кейро около полуночи. Постоял минуту и растворился в темноте. Я посмотрел вслед его огонькам и побрел через рельсы к зданию вокзала.

В комнате ожидания было пусто. Над телефоном-автоматом висел плакатик: «Компания такси «Эс энд Эс». Звонить в любое время дня и ночи». Я позвонил. Женщина на другом конце провода каким-то уж очень домашним голосом приняла мой вызов и сердито обратилась к кому-то:

— Том! Да проснись же! Пассажир ждет на станции.

Том приехал через полчаса. Это был заспанный парень лет двадцати двух. Он оказался президентом и одновременно служащим компании такси «Эс энд Эс», которая владеет... двумя старенькими автомашинами. На одной работает Том, на другой — его приятель и совладелец компании. Жена Тома, которая приняла мой вызов по телефону, исполняет обязанности диспетчера компании.

Конечно, если говорить серьезно, то никакой компании нет. Том работает механиком на лесопилке, а такси — это его побочный заработок. Для крохотного Кейро двух машин такси вполне достаточно. Сейчас здесь всего шесть тысяч жителей, а в прошлом веке это был процветающий город, замахивавшийся даже на славу Чикаго. Здесь, в самой южной точке штата Иллинойс, сливаются реки Миссисипи и Огайо. Почвы вокруг Кейро плодороднейшие, хлопок растет прекрасный. Между прочим, это тот самый Кейро, куда держали путь по Миссисипи Гекльберри Финн и негр Джим, да так и проплыли мимо него в тумане.

Сам городок расположен в шести милях от железнодорожной станции. Ночи здесь темные, южные. Мы уже подъезжали к Кейро, уже появились первые дома, первые уличные фонари, как вдруг Том остановил машину, выключил мотор, опустил стекло и прислушался. Где-то далеко пели петухи.

— Слышите? — спросил меня Том, и в голосе его я уловил какую-то тревогу.

— Петухи...

— При чем здесь петухи? — сказал Том с досадой. — Стреляют. Разве вы не слышите?

Где-то еще дальше петухов хлопнул выстрел... Второй. Третий... Сухо протарахтела длинная очередь из автомата. И все стихло. Подождав минуту, снова заголосили петухи.

— Что будем делать? — спросил я.

— Я провезу вас окраинами к мотелю, где живут полицейские, — помедлив, ответил таксист.

Утром, открыв балконную дверь своей комнаты, я увидел, что вся стоянка перед мотелем занята полицейскими машинами. Их было здесь не меньше полутора десятков. Одни машины, упруго покачивая длинными штырями спецантенн, уезжали, другие занимали их места, вернувшись с патрулирования. На бортах машин выделялся герб штата Иллинойс — орел, держащий в хищном клюве ленту, на которой написано: «Храбрость. Мужество. Достоинство».

Хозяин мотеля объяснил мне, что эти полицейские присланы в помощь местной полиции из Чикаго и Спрингфилда. Что касается стрельбы по ночам, то к этому здесь все привыкли. Вернее, привыкли к тому, что в городе стреляют. К самой стрельбе, конечно, привыкнуть трудно. Я спросил, кто в кого стреляет. Естественно, белые в негров, а негры в белых, ответил хозяин. Сперва был убит черный солдат, затем белый шериф. С этого все и началось.

На Коммершэл-авеню — главной улице города — было пустынно. Сквозь плиты тротуара торчала желтая трава. Пели скворцы. На карнизах магазинов ворковали голуби. По крыше серого пятиэтажного здания суда и полиции ходил полицейский с биноклем на груди и снайперской винтовкой в руках. Стена здания была выщерблена пулями. Я насчитал 17 щербинок.

Пройдя еще два квартала, я очутился в негритянском районе. На стенах церк-

Ситуация для Америки типичная: для огромного города ли, или скромного поселка. Где сегодня в Америке не говорят о преступности, о расизме, о кризисе, о

ви святого Колумба я насчитал 23 следа от пуль. Неподалеку негритянские парни жгли кучи сухих листьев. Голубой дым стелился вдоль улицы. На меня негры посмотрели недоверчиво, почти враждебно. Ведь я был для них белый, незнакомый белый человек, возможно, даже переодетый полицейский.

Я вернулся в мотель, взял блокнот и вышел на балкон, чтобы записать первые впечатления. На соседнем балконе громко разговаривали. Голоса были мужские. Собеседников было трое. Балконы отделялись друг от друга тонкой фанерной перегородкой, сделанной «под дуб», и мне не видно было беседующих, зато слышно каждое слово. Это были полицейские, отдыхавшие после смены. Судя по всему, двое сидели в плетеных креслах, причем один положил ноги на низенький круглый столик, а третий то уходил с балкона в комнату, то снова входил, шаркая и пришлепывая по полу домашними туфлями. Наверное, он только что принес из холодильника пива в банках.

— Холодненькое! — сказал он, причмокнув. — Да убери ты свои конечности со стола!

Тот, к которому он обращался, добродушно отозвался баском:

— Ты, малыш, дома командуй. Когда побегаешь в жизни с мое, тогда поговорим. Мне даже лейтенант Блэкстоун не делает замечаний.

— А здорово отчитал этот черный священник нашего Блэкстоуна, — хохотнул третий. — Лейтенант-то сделал вид, что ничего не понимает: «Скажите, отец, какая муха ваших негров укусила? Ведь между полицией и неграми всегда было взаимопонимание, не правда ли?» А священник ему: «Это было взаимопонимание между хозяином и псом, лейтенант. Знай, черный пес, свое место, а не то получишь пинок! Но мы не хотим больше собачьей жизни, лейтенант». Блэкстоун даже позеленел от злости.

— Позеленеешь, — хмыкнул тот, что принес пиво. — Начальство дало две недели на поимку того, кто убил шерифа, а уже месяц кончается. Ходят слухи, — понизил он голос, — что стреляли в шерифа в отместку за убийство черного солдата, который приезжал мать хоронить. Говорят, что шериф кокнул его в темноте на автомобильной стоянке за баром.

— Болтают многое, всего не переслушаешь, — авторитетно заключил басок. — Болтают, что шериф сам толкал наркотики среди местных мальчишек и девчонок. Будто бы у того солдата младший брат наркоманом сделался, в бродягу превратился, совсем пропал парень. Оттого будто и мать слегла. Говорят, что солдат до всего дознался и пригрозил шерифу в баре при свидетелях. Утром солдата нашли мертвым. Предполагают, что убил его шериф. Но ведь все это надо доказать...

— Докажешь, как же! — снова хмыкнул тот, что шаркал тапочками. — Солдат убит, шериф убит. Каждую ночь стрельба. Ничего мы здесь не добьемся. Надо снова вводить сюда войска, как год назад.

— Смешно, — хохотнул третий. — Шесть тысяч солдат против шести тысяч жителей, включая грудных младенцев. Американская армия оккупирует американский город. Америка против Америки. Как в страшном сне, будь оно все проклято!

— Да, ты прав, парень, — зарокотал басок. — Америка против Америки. И с оружием в руках. Я вчера с лейтенантом Блэкстоуном объехал все здешние магазины и бары. У каждого хозяина в кабинете автомат висит, у каждого продавца задний карман оттопыривается. Разговаривали с помощником шерифа. Тот говорит: на шесть тысяч жителей, включая грудных младенцев, не меньше десяти тысяч единиц оружия. Вот так-то! Загляни-ка, дружок, в холодильник насчет пива.

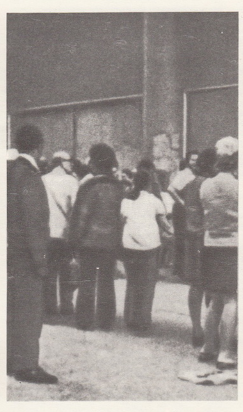
Прошаркали, прошлепали шлепанцы с балкона в комнату. Было слышно, как над столом щелкнула зажигалка. Потянуло дымком от сигареты.

— Мы по дороге в Кейро одно убийство предотвратили, — снова послышался басок. — Из Спрингфилда нам по радио приказали завернуть на молочную ферму. Сын отца хотел убить. Семейная ссора. Обычное дело.

Началось все это, как мы потом узнали, в тот день, когда сын вернулся домой из морской пехоты. Отец, хозяин фермы, тогда, говорят, здоровяк был, не то что сейчас — пенек трухлявый. Сели они по-родственному под дерево и крепко выпили «за возвращение». После очередного стакана отец так озадачил сына, что тот на время речи лишился. Старик, как нам сын рассказывал, сказал примерно так: «Ты, сынок, всегда был бездельником, работы фермерской чурался, оттого и в морскую пехоту из дома удрал. Пока ты, голубчик, где-то там в своем красивом мундире шлялся, я твою старуху мать здесь похоронил и один своими плечами эту ферму подпирал, чтобы она не развалилась. А ты на все готовенькое вернулся и небось надеешься, что я тебе хозяйство в наследство передам. Так вот — дудки! Пока есть силы, буду сам тянуть, а почувствую, что слабею, продам ферму. Однако ты мне сын, и мне тебя жалко. Хочу из

том, как дальше-то жить?!. Очерк, который мы предлагаем вашему вниманию, — запись разговора трех полицейских из американского городка Кейро.

тебя человека сделать. Для этого хочу свою ферму не кому-нибудь, а тебе продать. Денег у тебя нет, это я знаю. И не будет никогда, это я тоже знаю. Так вот, предлагаю тебе работать у меня батраком. Буду тебе зарплату давать. С вычетами, конечно, за питание, за койку в доме и так далее. Накопишь деньжат — выкупишь ферму, будешь сам хозяйствовать, а не сумеешь накопить, пеняй на себя. Покупателя я найду, можешь не сомневаться».

В тот вечер они здорово подрались. Лупили друг друга, пока не упали без сил. Сын потом целую неделю кровью сплевывал. У отца левая рука плетью повисла: научили кое-чему сына в морской пехоте.

Ушел бы он с этой проклятой фермы куда глаза глядят, да не мог. Приковал его отец. Знал он про сына такое, что, заяви полиции, сидеть бы бравому морскому пехотинцу в тюрьме лет пять, а то и больше. Было одно темное дело в молодости. Оттого в свое время он и в морскую пехоту удрал, а вовсе не потому, что коровьего духа не любил.

Стал сын батрачить у отца. А что поделаешь? По сути дела, отец ведь только добра ему желал. Серый волк тоже кусает волчонка. Для чего? Для того, чтобы тот научился огрызаться, клыки показывать. Кстати, старик сам эту ферму таким же манером у своего отца выкупал. А дед — у прадеда. А прадед эту землю у индейцев отобрал. Правда, это ему боком вышло: подкараулили его индейцы в прериях, грешную душу в рай отправили.

Лет пять сын на ферме жил в одном доме с отцом, пока беда не случилась. Однажды корова сдохла. Старик расшумелся да сгоряча так поднес сыну, что тот рядом с коровой распластался. В полночь пьяный сын взял вилы и пошел отца убивать. Старик в одних подштанниках в окно выпрыгнул, вскочил в машину и умчался на соседнюю ферму. Оттуда и позвонил в полицию. Тем временем сын решил сжечь ферму. Принялся таскать сено в дом, чтобы горел ярче. Таскал, таскал, умаялся, да так и уснул на этом сене. Тут и мы с лейтенантом Блэкстоуном подоспели. Связали его по рукам и ногам и вручили папаше. Что у них там дальше будет — не знаю...

Помолчали.

— Меня все жена уговаривает уйти из полиции, — нарушил паузу тот, что похохатывал. Чувствовалось, что он и сейчас говорит с улыбкой. — Убьют, говорит, тебя, дурака смешливого. Президентов, говорит, убивают, а тебя-то в два счета пришьют. Совсем мамочка извелась...

— Изведешься! — подтвердил хозяин шлепанцев, входя на балкон и ставя пиво на столик. — Моя благоверная без меня ни радио, ни телевизор не включает. Больше всего, говорит, мне не хочется увидеть репортаж о том, как тебя на носилки кладут и покрывалом с головой накрывают. Последние известия вообще не смотрит. Меня, говорит, уже мутит от крови, трупов и рыдающих родителей, у которых детей украли. Изо дня в день одно и то же. С ума спятить можно.

— Да-а! — шумно вздохнул обладатель баса. — Страшно, конечно, женщинам. Ох как страшно! Не жизнь, а кошмар какой-то. Вот в прошлом году был случай. Дежурили мы ночью с лейтенантом Блэкстоуном. Вдруг вызов к мотелю, что на 53-й дороге к северу от Спрингфилда. Звонит хозяин, говорит, что в одной из комнат кричит женщина, зовет на помощь. Рванули мы к мотелю. А рядом с тем мотелем в поселке накануне медсестру изнасиловали и задушили. Лейтенант наш сразу связь между этими событиями заподозрил.

Ну, подлетаем, значит, на полном ходу к мотелю, сирена воет, вертушка на крыше блики бросает. Видим, старик хозяин в одних кальсонах винтовкой в сторону одной двери тычет, а у самого ноги дрожат. Мы — пистолеты в руки и в два прыжка из машины к той двери, куда хозяин показывает. Как на учении, прижались спинами к стене, один слева от двери, другой — справа. «Открывайте! — орет лейтенант. — Полиция! Руки на голову! Выходи по одному!»

Слышим — отворяют нам дверь. Мы курки взвели, дышать перестали. Старик в кальсонах за мусорный ящик присел. Отворяется потихоньку дверь и выходит — не поверите! — маленькая заплаканная девчушка лет семи. И больше никого. «Руки на голову!» — снова орет лейтенант. «Да там нет никого, — всхлипывает девчушка. — Там только мама». Ну, мы, конечно, воробьи стреляные, особенно лейтенант Блэкстоун, нас на мякине не проведешь! Ногой дверь пошире, пистолет в вытянутой руке на уровне глаз! Врываемся в комнату, тычем пистолетами во все углы. А на кровати сидит женщина в халатике, плачет, слова вымолвить не может. И больше ни души. Что за история?! Женщина плачет, и сквозь ее рыдания мы разбираем, что она просит у нас прощения. Это, говорит, во сне все было. Дочь, говорит, у меня во сне украли, и меня убить хотели. Страшный сон. Понимаете? Страшный сон.

Сходил я к машине, принес из аптечки успокоительных капель, дал ей, бедняге, выпить. А сам думаю: ведь это какой же страх в душе, если такое приключается?! Ведь это как же надо запугать на всю жизнь? Когда ехали назад, Блэкстоун молчал, думал свою думу, мрачный был, как туча. Одну только фразу и вымолвил: «Америка — страна испуганных женщин».

Помолчали. Еще раз щелкнула зажигалка.

— Скорей бы домой, — вздохнул тот, что ходил за пивом. — Надоело. Все надоело. Служба, стрельба эта.

— Не видать тебе дома, пока не найдешь того, кто стрелял в шерифа, — хохотнул другой, скрипнув плетеным креслом.

— Шутки шутками, а похоже, что ты, цыпленок, прав. Лейтенант Блэкстоун с пустыми руками отсюда не уедет и нас не отпустит. А найти того, кто убил шерифа, дело непростое. Чувствую, что здешние люди кое-что знают, но молчат. В этом вопросе, похоже, и белые и черные заодно. И еще неизвестно, кто шерифа прикончил, белые или черные. Не любили его здесь и те и другие. Особенно после истории с этим Брауном.

— Что еще за Браун?

— Да был здесь такой бедолага — шахтер, по фамилии Браун. Белый. Два года без работы. Ну, с тех пор, как шахта закрылась. Трое детей, один другого меньше. Исчерпал уже все сроки пособия по безработице. Дети пухнут от голода, жена плачет. Вот и решился он на отчаянный шаг. Должен вам сказать, что по законам здешнего штата жена и дети получают пособие, если кормилец умер. Вот он и «умер». Написал записку, дескать, в смерти моей прошу никого не винить, помогите, ради бога, семье, а меня не ищите, я ухожу из жизни. А сам спрятался в горах.

Лето прожил в шалаше, кормился охотой да тем, что жена украдкой носила. Ходила она к нему. Всякие предлоги выдумывала, чтобы детишек соседям на день-другой пристроить, а сама к нему. Бельишко ему носила, то да се.

Выследил-таки их шериф. Но брать один побоялся: Браун-то вооружен был. Позвонил нам. Лейтенант Блэкстоун отрядил меня и еще трех парней. Пришли мы за Брауном ночью. Окружили шалаш. Я посветил внутрь фонариком, вижу — жена у него на руке спит. Так шериф и сковал их наручниками: его за правую руку, ее — за левую. Вели их по тропинке к машинам, шли они рука в руке и плакали. Как же дети теперь? И такая меня злость на шерифа взяла, что вот своими руками бы задушил!

Уже светало, когда подъезжали мы к Кейро. Вдруг лейтенант Блэкстоун нас по радио вызывает. Приказывает немедленно изменить маршрут и вместо Кейро вести арестованных в Спрингфилд. Оказывается, около Кейро нас ждала толпа, хотели отбить Брауна и его жену. И белые и черные. Как они узнали об аресте? Вот тут-то загадка и начинается. Думаю, что многие в городе знали, где скрывается Браун. Знали и молчали. А шерифу не простили. Только вот кто? Белые или черные? За солдата или за Брауна? Принеси-ка еще пива, малыш.

...Глубокой ночью я стоял у здания автобусной станции, ждал автобуса дальнего следования «Серая борзая», который должен был доставить меня в Чикаго. Провожал меня Том, президент компании «Эс энд Эс». На улице, кроме нас, не было ни души.

Упруго покачивая антенной, подошла полицейская машина. Замедлила ход. По-видимому, полицейские вглядывались в нас. Не заметив ничего подозрительного, поехали дальше.

Том был настроен печально. Он зевал, поеживался от ночной прохлады и неторопливо говорил:

— Иногда хочется посадить жену с дочкой вот в эту машину и убежать из Кейро без оглядки. Но куда убежишь?

Где-то за углом яростно залаяла собака.

— Овчарка, — кивнул Том в сторону собачьего лая. — В Мемфисе есть школа, где овчарок обучают бросаться только на чернокожих. В Кейро уже есть такие собаки...

Рокоча могучим мотором, подошел автобус Мемфис — Чикаго. В автобусе было темно, пассажиры спали.

— Кто-нибудь здесь выходит? — крикнул Том водителю.

— Нет, — ответил водитель. — Поезжай, парень, спать.

И, захлопывая за мною дверь, проворчал:

— Какой ненормальный будет здесь выходить?

Вашингтон — Москва

ВСТРЕЧА СО ВСТРЕЧЕЙ

А. ЛЕВИН,
соб. корр. «Комсомольской правды» в Ханое, — для «Ровесника»

Ситуация для Вьетнама типичная: переправа и люди, впервые или через долгое-долгое время приехавшие с юга на север или с севера на юг. Ситуация по нынешним временам обычная, хотя и не было ее в стране ни много ни мало тридцать лет. Эта обычность должна была настать, потому и шла эти тридцать лет война за независимость.

Дорога, которой мы ехали из Виня на юг, изогнулась на невысоком холме, затем соскользнула к реке. Наш «газик» пристроился в очередь в хвосте длинной вереницы грузовиков, автобусов, легковых автомашин, терпеливо ожидавших, когда поднимется и впустит их на паром старенький, поржавевший шлагбаум.

По обеим сторонам дороги до самой реки под небольшими навесами из пальмовых листьев шла торговля. На низких лотках вперемешку лежали бананы, ананасы, кокосовые орехи, жареные речные креветки, вяленая рыба, нарубленный палочками сахарный тростник, листья мяты. Тут же продавался «фо» — традиционный вьетнамский суп из лапши, вареный рассыпчатый рис. Перед каждым лотком сидели по нескольку человек — кто на корточках, кто на маленьких скамеечках — и ели, ловко орудуя тоненькими палочками.

Торговля шла бойко, потому что место уж очень удачное — у переправы на главной дороге Вьетнама, связывающей Ханой с Хошимином (Сайгоном). После освобождения Южного Вьетнама и недавних всеобщих выборов движение на этой дороге стало намного оживленнее.

Последовав примеру остальных, я устроился в ожидании парома перед одним из лотков. Подошел шофер и сказал, что паром сломался и ремонтировать его будут не меньше получаса. Значит, можно не торопиться. Я не спеша принялся за экзотический обед, меню которого составила за меня хозяйка лотка, пальцем указав то, что, по ее мнению, мне надлежало отведать: «фо» с курятиной, тушеные баклажаны, фаршированные свининой с молодыми побегами бамбука, и ароматную папайю.

По соседству со мной сидел парень лет двадцати в зеленом френче. Сейчас, после войны, во Вьетнаме многие носят рубашки и брюки защитного цвета. Это значит, что человек недавно демобилизовался. Однако френч моего соседа совсем не был похож на форму бойцов Вьетнамской народной армии — блестящие желтые пуговицы с непонятным рисунком, окантовка на рукавах. Френч, явно с чужого плеча, был ему велик. Я хотел было поинтересоваться, кто носил такую форму, но меня опередил высокий худой старик с реденькой бородкой, в выцветшей черной рубахе и закатанных до колен штанах. Судя по виду, рыбак. Я не заметил, как он уселся с другого бока, прихлебывая чай из небольшой фарфоровой чашки.

— Что это за мундир, сынок? — обратился он к парню. — В жизни такой не видывал.

Тот улыбнулся.

— Американцы такую форму носили, дядюшка, когда воевали у нас на юге.

— Американцы? — И лицо рыбака вдруг стало злым. — У меня из-за них три сына погибли, а ты в их форме расхаживаешь, — почти выкрикнул он, — тебе что, надеть больше нечего?

— Нечего, — отозвался тот.

Сидевшие за соседними лотками понимающе закивали головами.

— Ты извини, — уже мягче сказал старик, — я не хотел тебя обидеть. Сам понимаешь, война. Ты южанин, что ли?

— Вьетнамец я, — исподлобья взглянув на старика, тихо произнес он, — вьетнамец. Как и вы, дядюшка.

— Это ты хорошо сказал, сынок. Все мы — одна семья. И дом у нас один. Только вот порознь долго жили, очень долго.

Окружающие снова закивали головами в знак согласия.

— Родился-то ты где? — снова спросил старик.

— Здесь, на севере. А жить пришлось на юге.

— Что так?

Вопрос был явно праздный. После Женевских соглашений 1954 года сотни тысяч людей меняли место жительства — кто ехал на юг, кто на север, и члены тысяч семей потом больше двадцати лет жили в разлуке. Старик спросил, видно, просто так, чтобы поддержать разговор.

— Родители на юг переехали, когда мне всего год был, — ответил парень. — Они подпольщиками были. Когда их арестовали, я еще в школу не ходил. С тех пор ничего о них не знаю. Даже их имен. Соседи меня приютили. Когда подрос, рассказали о матери с отцом. Но знали о них мало. У них ведь даже имена ненастоящие были, подпольные. Говорили только, что приехала наша семья из здешних мест, из Виня. Вот я и съездил сюда, порасспрашивать, может, кому-нибудь известно о моих...

Несколько босоногих мальчишек в трусах и с небольшими сетями — с реки, должно быть, шли — остановились у нашего лотка, услышав последние фразы моего соседа, и стали с любопытством разглядывать его зеленый френч. Только тут я заметил, что на лацкане у него значок с изображением Ленина. Еще три-четыре человека перекочевали к нам от соседних лотков вместе со скамеечками и обедом. Переправа — такое место, где каких только историй не услышишь. Она ведь сводит на полчаса-час людей самых разных и из самых разных мест. Да и обстановка располагает к откровенным неспешным разговорам — река, приволье. Хочешь не хочешь — передышка от дел. Как тут не присоединиться к интересной беседе. Поэтому подсевшим к нам не удивились, потеснились, дали место.

— Сынок, — вмешалась в разговор лоточница, сидевшая прямо напротив меня, — ты рассказал бы о них что-нибудь. Глядишь, кто-то и признает. Здесь небось из каждой деревни человек найдется.

Парень снова покачал головой.

— Многих я спрашивал. Никто не знает. Нет, видно, не найти мне их. Я и рассказать-то ничего о них не могу толком.

— А ты поживи здесь подольше, — сказала женщина, — вдруг найдешь. А если остановиться негде, хочешь, ко мне приходи. Как-нибудь поместимся. Семерых-то восьмой не стеснит.

— Жить и у меня можно, — сказал старик, — даже лучше. Я один. Будешь мне внуком. А там и родителей разыщешь.

— Спасибо вам, — улыбнулся парень, — только не могу я больше оставаться. Ждут там меня.

— Кто? — поинтересовался старик.

— А те, что приютили. Хорошие люди. Я так к ним привык, что отцом-матерью стал называть. Жили они бедно, но, хоть и чужой я им, все для меня делали. Денег наскребли, чтобы я в школу ходил...

— Когда война, чужие — это кто в тебя стреляет, — сказал старик, — а все остальные свои. Значит, и ты им не чужой.

— Может, и так, — согласился парень.

Потом подумал и добавил:

— Да. Так. Я после двенадцатого класса в Дананг решил ехать, работу искать. Мы в Хойане жили, а там с работой трудно было. Так они говорили: оставайся, мол, прокормим. А когда провожали — плакали.

— Вот видишь, — старик выплеснул на землю остывший чай и налил себе из чайника горячего, — а говоришь — «чужой». Ну а работу в Дананге нашел?

— Месяца три искал. Жить было не на что, чуть воровать не стал. С плохой компанией связался.

— Ишь ты! — всплеснул руками рыбак. — Да как же ты?!

— А так, — снова вмешалась торговка, — когда есть нечего, на что угодно пойдешь.

— Неправда! — старик даже чашку от себя отодвинул. — Не может человек из грязной лужи воду пить и думать, что это хорошо. Потому что человек он.

— А что ж ему тогда делать было, с голоду умирать?

— Нет, вы послушайте, как она рассуждает! — разволновался рыбак.

Он повернулся ко мне, но, решив, что иностранец вряд ли понимает вьетнамский язык, дернул за брюки сидевшего рядом солдата. Все заговорили разом, перебивая друг друга. Однако спор быстро затих, потому что большинство встало на сторону рыбака.

— Ну а потом?

— Нашлись хорошие люди — устроили на электростанцию. Потом я в авторемонтные мастерские перешел. С подпольщиками познакомился. Тогда-то и понял, что к чему. Понял, что должен как отец, как мать...

— Молодец, сынок! — обрадованно воскликнул старик. — Молодец. Потому мы и победили, что все так думали.

— Ну, не все, конечно.

— Так я про людей говорю, — отпарировал старик, — а кто по-другому думал — это...

Старик выразительно сплюнул.

— Ну, дядюшка, — улыбнулся парень, — нельзя так. У марионеток армия была около миллиона. Не все же добровольно в нее шли. Многих силой забирали, обманом. Говорили, что они должны родину защищать. Выходит, что они не люди? Да и среди студентов не все боролись за свободу. А сейчас разобрались.

— Сейчас, — проворчал рыбак, — сейчас, поди, каждый говорит, что он за революцию.

Старик, конечно, перехватил, хотя в общем-то его можно понять: трех сыновей война отняла. Мне вспомнился разговор в Хошимине, в горкоме Союза трудящейся молодежи. Ребята рассказали про одного студента — сына какого-то бывшего крупного бизнесмена. Вскоре после освобождения он пришел в горком и попросил отправить его в новые экономические районы, то есть на освоение пустовавших земель. А потом в горком пришла его невеста и показала полученное от него письмо. Есть там такие строчки: «Я всю жизнь не делал ничего полезного и пришел к выводу, что не имею права продолжать такую жизнь. Раньше я считал, что труд — это самое страшное, а теперь чувствую огромное удовлетворение. Обязательно приезжай, дорогая, к нам. Работай так, чтобы тебя приняли в союз молодежи, как меня. Тогда мы будем не только мужем и женой, но и товарищами по труду». Да, революция перевернула умы многих. Даже тех, кто был далек от нее.

С реки донеслось стрекотанье исправленного мотора. Паром медленно двинулся к причалу. Кругом все оживилось. Люди засуетились, собирая свои вещи, с причала послышались гортанные крики паромщиков, затарахтела на разные голоса длинная вереница автомашин. Берег стал похож на вокзал за минуту до отхода поезда. Парень расплатился с лоточницей и медленно поднялся.

— До свиданья, — сказал он громко, обращаясь ко всем, а потом повернулся к старику, — до свиданья, дядюшка.

— Будь счастлив, сынок, — ответил тот, вставая, — жалко, что ты своих родителей не нашел. Приезжай еще, может, в следующий раз удачливей будешь. Запиши-ка мой адрес, вдруг пригодится.

— Спасибо, дядюшка. Обязательно запишу. Может, и увидимся когда-нибудь.

Парень полез в карман, извлек оттуда старенький потертый портсигар и открыл крышку. В портсигаре у него лежала небольшая книжица — по-видимому, паспорт — и еще какие-то бумаги. Из другого кармана он вытащил карандаш и приготовился писать.

— Говорите, дядюшка.

Я медленно побрел к своей машине.

— Дядюшка, что с вами? — вдруг послышалось сзади.

Я обернулся. Старик снова сидел на скамеечке и, не отрываясь, смотрел на портсигар. Губы у него дрожали, он издавал какие-то странные, клокочущие звуки. Окружающие с удивлением смотрели на рыбака. Наконец он произнес срывающимся голосом:

— Сын-нок, от-откуда у тебя это?

Парень посмотрел на портсигар.

— От отца осталось.

— На нем «Хиен» написано?

— Да, — удивленно произнес парень, — а откуда...

По впалым, морщинистым щекам старика покатились слезы.

— Это я Хиен. А твой отец, он...

Он судорожно схватил трубку, раскурил ее и глубоко затянулся. Парень стоял, еще не осознавая сказанного стариком.

— Тебя ведь Тхао зовут, да? Правда? Ну, ну что же ты молчишь?

Парень опустился на землю и уткнулся лицом в колени старика.

— Тхао, — чуть слышно выдавил он из себя.

— Я же говорила, что найдешь родных, — произнесла лоточница, вытирая платком глаза.

— Внук, — старик обхватил парня обеими руками и прижался к нему, — внук!

Вокруг стало совсем тихо.

— А где отец с матерью? — поднял голову Тхао.

Хиен молча глядел на него и плакал.

— Дедушка, где они?

Старик отвел взгляд.

— Нет их, внучек, нет. Отца твоего, моего сына, на юге убили, а маме удалось сюда перебраться. Да тоже недолго пожила, во время бомбежки погибла.

Тхао снова уронил голову на колени деда. Плечи его затряслись. С причала раздался протяжный гудок катера, и машины медленно двинулись на паром. Парень поднялся.

— Мне нужно ехать. Ты прости, дед.

Хиен растерянно оглянулся по сторонам.

— Как это ехать? Некуда тебе ехать. Здесь твой дом!

— Нет. Я должен ехать. Меня ждут в Дананге завтра.

— Как же ты уедешь сейчас! — воскликнула лоточница.

— Может, останешься... хоть ненадолго? — неуверенно произнес Хиен.

— Я вернусь, дедушка, я обязательно вернусь. Но завтра двести человек едут в новые экономические районы. А я — командир отряда. Не могу я остаться. Понимаешь?

Хиен кивнул головой, глядя в землю.

— Как не понять? Понимаю. Ты... только... возвращайся. Обязательно. Ты ж один у меня остался. И передавай привет сыну... то есть... твоему...

Хиен махнул рукой и обнял Тхао.

— Пусть они тоже... приезжают, тоже...

...Паром медленно отчаливал от берега. Тхао стоял у борта, вцепившись в перила, и не отрываясь смотрел на Хиена. Тот медленно махал ему своей худой жилистой рукой.

Ханой, май

Алекс ЛА ГУМА,
южноафриканский писатель, —
для «Ровесника»

ГОЛОСА В МОЛЧАНИИ

Ситуация для Южно-Африканской Республики пока типичная: молчание. Чтобы услышать там разговоры черных, нужно быть своим. Чтобы не услышать их, нужно быть расистом.

Претория, столица Южно-Африканской Республики. Нелепый монумент XIX века «покорителям» чернокожих громоздится на вершине холма, с которого открывается вид на старый центр провинции, на кварталы небоскребов, которые, разрастаясь, все более и более теснят старый город, на аллеи джакаранд, чье буйное и пестрое цветение — великолепнейший вызов самой природы слепоте расистов официальной Претории.

Это здесь происходил суд над 156 «предателями» — лидерами национально-освободительного движения. Здесь состоялся так называемый «ривонийский процесс», после которого руководитель борьбы за свободу «цветного» населения Нельсон Мандела был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Здесь был заточен в тюрьму коммунист Брам Фишер[1]. И здесь он был освобожден на считанные недели — Брам Фишер был болен раком, — чтобы он «свободно» смог умереть вне тюремных стен.

У городской черты бьет ключ, давая начало ручью. Тот ручей поит узкую полоску зелени, которая, словно граница, делит город пополам. А за ней, границей, простирается город для черных — жалкие, убогие развалюхи, слепленные бог знает из чего, бог знает как. По документам, издаваемым картографами и чиновниками столицы апартеида, этот город не существует. Это когда-то его называли Марабастад, а теперь он будто бы начисто снесен с лица земли, а на его месте сейчас якобы располагается благоустроенная территория под названием «Азиатский базар» и прилегающий к нему жилой район для «цветных», резервация «Кейп», где должны обитать лица азиатского и «цветного» (то есть смешанного) происхождения. И никаких африканцев. Официально утверждается, что в ЮАР чернокожие нигде не живут вперемешку с другими расами. Одна из несуразностей апартеида.

Улицы Марабастада — не более чем помойки, кладбища обгорелых автомобильных останков и отбросов. Там и сям горы мусора, развалины — это где дома сносили. Но в этом хаосе обломков, в уцелевших покосившихся хижинах, в самодельных пещерообразных жилищах по-прежнему ютятся, словно беженцы разбомбленного города, люди. Африканцы, азиаты, «цветные». Им некуда податься. От того, что существует план апартеида, то есть обособленного проживания различных рас, у этих людей не появилось нового жилья, и они по-прежнему вперемешку живут, встречаются, разговаривают, поют, действуют сообща.

Попробуйте представить себе их разговор. Тихий, приглушенный, когда речь заходит об определенных вещах. Толпясь во дворах вокруг раскаленных жаровен — как кадилен, призванных прогнать наступающую зиму, — они дуют на руки, стынущие от зимнего ветра, и перешептываются: «Слышали? Брама Фишера вывезли из тюрьмы, чтобы

[1] *Брам Фишер — член ЦК Южно-Африканской коммунистической партии, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Был приговорен к пожизненному заключению в 1966 году. Скончался 8 мая 1975 года. — Прим. ред.*

дать ему умереть...» Браму Фишеру действительно разрешили умереть в доме брата, но его прах подлежал возврату в тюрьму для захоронения — ведь он осужден пожизненно, и, значит, тело его — тюремное имущество. Один из греющихся у жаровни усмехается: «Ты представь: ты помираешь, а над тобой солдат стоит...»

Нет, это поражение расизма; нет, это действительно почет и уважение белому Фишеру и Южно-Африканской компартии, когда черный, едва двигая от холода губами, произносит вполголоса: «Погодите, мы еще переименуем Блумфонтейн в Фишерстад». (Блумфонтейн — родина Фишера.)

Но, конечно, о таких вещах люди говорят с оглядкой. Повсюду шныряют чернокожие осведомители тайной полиции. Они примазываются к людям, толкующим меж собой на углу улицы или над чем-то смеющимся, слоняются в толпе, ждущей автобуса на конечной остановке. Фашизм раскинул свои сети по всей Южной Африке.

В сети этой есть, однако, прорехи. По ночам те, кто смог обзавестись транзистором, крутят ручки и слушают: «Братья, товарищи! Говорит радио «Освобождение», голос Африканского национального конгресса [1], вещающий из...»

За гранитными стенами Иоганнесбурга простирается обширное черное гетто Соуэто. Ряд за рядом — кирпичные коробки из одной-двух комнат, в которых живут «легальные черные белой зоны» — те, у кого есть специальное разрешение жить в гетто, чтобы работать на белый правящий класс, населяющий этот крупный промышленный город. Но хотя они и называются «легальными», они всего лишь «временно проживающие». Без каких-либо прав. Несмотря на то, что большинство их родилось и выросло в этих гетто. По официальной статистике, население Соуэто составляет 590 тысяч человек, но на деле, по-видимому, тысяч 800. Маленькие кирпичные коробки ряд за рядом, а ведь, кроме них, еще обычные старые трущобы и кучка домов местной «элиты»... Один писатель, глядя на этот пейзаж, произнес, по-моему, пророческие слова: «Прямо-таки военный лагерь вокруг Трои».

Жителям гетто приходится вставать в четыре-пять утра, чтобы добраться до работы в «белом» городе. Электрички уходят забитые до отказа, люди виснут на подножках, на сцепах между вагонами. Они много работают, но ведь случается время и для отдыха. Пригородные поселения, гетто — вот где дом южноафриканского джаза. Потому-то там такой спрос на подержанные инструменты — конечно, в рассрочку. Из таких гетто и вышли знаменитые трубачи Хью Мазекела и Монкс Монгези, пианисты Доллар Брэнд и Тодд Мацикиза, певица Мириам Макеба.

В каждом большом и маленьком «белом» городе есть своя трущобная «черная зона». О чем говорят ее обитатели? Ну-ка прислушаемся.

— Как думаешь, кто победит в субботнем матче?

— А то ты не знаешь, за кого я «болею»... Победят «Голубые птицы», увидишь.

— Что, «Голубые птицы»? Шалишь, парень! «Зебры» их так разделают — от них только перья полетят.

Когда действовал «сухой закон» для чернокожих, в гетто расплодились подпольные пивнушки. Ныне ограничения ослаблены, но старые заведения, которыми командуют предприимчивые толстые «тетушки», остаются в почете у их завсегдатаев.

— Представляешь, сегодня в трехчасовом забеге первой пришла Чистая Вода. Ну что за невезенье! Я-то поставил на Прыгучего Джека. Просадил два рэнда.

— Эй, тетушка, еще полбутылки! В кредит, а?

— Гони наличность, парень. Здесь доверяют только богу.

[1] *Массовая политическая организация африканского народа ЮАР, основанная в 1912 году и запрещенная в 1960-м; выступает за ликвидацию апартеида и создание в стране многорасового демократического государства. — Прим. ред.*

И шпики тут вертятся, конечно. Пить пьют, а ухо, как говорится, держат востро. «Мозамбик завоевал свободу... В Анголе разразилась война... Что ты на это скажешь?..» Шпики отрабатывают свой хлеб, наблюдая за теми, кого подозревают в подпольной деятельности. Но опасность и риск не останавливают подпольщиков.

— Гляньте, какую бумажку мне подсунули ночью под дверь.

— Тихо, брат, не шуми. Читай, но так, чтоб другие не слышали.

— Это от Африканского национального конгресса. Все вроде свои... Ну, слушайте. «Народы Южной Африки, сыновья и дочери земли! Никогда еще условия для подъема освободительной борьбы и разгрома преступного апартеида, для завоевания свободы не были более благоприятными, чем сегодня. Ничто не может скрыть тот факт, что белая Южная Африка увязла в таком кризисе, из которого она не сможет выбраться. Созревают возможности для развертывания вооруженной борьбы внутри самой Южной Африки».

— Погоди. Кто-то вошел. Дочитаем потом.

Время от времени полиции удается схватить кого-либо из подпольщиков. И среди черных, и среди «цветных» много говорят о Джеймсе Эйприле. Он был из «цветных», родился в 1940 году, партизанил в 1967 году — воевал против родезийских войск. В 1971 году Джеймс Эйприл перебрался в ЮАР, но был здесь выслежен, схвачен и приговорен к 15 годам тюрьмы.

В октябре того же года полиция убила молодого школьного учителя Ахмеда Тимола. У него нашли литературу компартии. В том, семьдесят первом году исполнилось 50 лет Южно-Африканской компартии, и с ее нелегальными изданиями тогда познакомилось много людей.

«Ого, — говорят чернокожие рабочие по дороге на работу или с работы, видя лозунги, написанные ночью на стенах домов. — Смелая пошла нынче молодежь».

Там, где черные могут спокойно потолковать — чаще всего в той же пивной, — гудят приглушенные голоса. Что-то новое появляется в жизни черных — а может, просто забытое старое? — люди собираются вместе.

Бурлит студенчество. Молодые люди открыто протестуют против зверств властей. Забыты разговоры о городских красавицах, домино и распри между компаниями. Вспомним хотя бы того же студента Абрама Тиро — выступая на выпускном вечере в «племенном», то есть не для белых, университете, этот юноша смело бросил вызов расистскому правительству и всей системе раздельного образования:

«Нам говорят, что раз существует образование американское, значит, должно быть и банту-образование. Я чувствую долг выступить против такой политики. В той же Америке ведь нет образования негритянского, образования красно-индейского, образования чисто белого. А у нас, в ЮАР, есть и банту-образование, и индийское образование, и «цветное» образование, и европейское образование... Что, интересно, есть такого в европейском образовании, что не годилось бы для африканцев? Мы хотим системы образования, общей для всех южноафриканцев».

Тиро закончил речь призывом к черным выпускникам взять на себя бóльшую ответственность в «борьбе за освобождение народа».

Он был исключен на следующий же день. А вскоре ему пришла по почте бандероль из Женевы. Обычная с виду бандероль с книгой. Она взорвалась у Тиро в руках...

Незадолго до смерти Тиро был избран руководителем организации черных студентов, восставших в «племенных» университетах. Власти на долгое время закрыли университеты и арестовали десятки студентов; некоторые из них до сих пор за решеткой, хотя суд над ними так и не состоялся.

Зашевелились черные в гетто, и полиция тут как тут — накинулась на них коршуном. Но люди все же стали проламывать стену молчания, воздвигнутую фашистским террором. В рабочих столовых при заводах и фабриках в открытую заговорили о нищенских ставках, обрекающих семьи на голод.

В 1973 году по стране прокатились забастовки. Десятки тысяч заводских и транспортных рабочих побросали орудия труда и вышли на улицы навстречу свирепым полицейским овчаркам, броневикам и винтовкам. Во многих местах стачки носили четко политический характер. Рабочие пели гимн Африканского национального конгресса. Во главе одной из демонстраций шел рабочий, несший красный флаг.

Красный флаг... «Да, было время, видели мы, как вьется красный флаг», — вспоминали потом, после этой демонстрации, люди, сдвигая кружки пива или толпясь на углу улицы вокруг жаровни. Возможно, что многие из них нашли утром под дверью нелегальные листовки и теперь, осторожно оглядываясь вокруг, передавали в жадные руки приятелей. Но и не только листовки — теперь не редкость и другие материалы, говорить о которых надо, тоже соблюдая осторожность. В ходу, например, крохотные брошюрки, умещающиеся в ладони, с неожиданными названиями на обложках: «Птицы Южной Африки», «Новые кухонные рецепты», «Волшебные сказки» и т. д. Но переворачиваешь обложку и видишь текст — в переводе на зулу, коса и другие диалектные языки — «Государство и революция» Ленина, «Коммунистический манифест» Маркса, «Что делать?» Ленина.

В лачугах, хижинах, кирпичных коробках — повсюду молодежь, ведь она лучше образована, читает Маркса и Ленина. Потом осторожно пересказывает другим. Те слушают, отхлебывая чай. Некоторые, оказывается, уже слышали про Ленина. Особенно старики. Они были в партии в старые времена, когда она еще действовала легально. Так что нечего задирать нос, молодняк. Но разговор разговором, а глаза все время настороже: появятся шпики — молчок. «Что Ленин хочет сказать вот этим? А что он подразумевает вот здесь?» «Две тактики»... «Национальный вопрос»...

В 1970 году, когда отмечалось 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина, Ленина-освободителя, как назвал его покойный председатель Южно-Африканской компартии, по всей Южной Африке были тайно распространены тысячи листовок. Голос Ленина слился с голосом народа, нарушившим молчание, навязанное южноафриканским фашизмом.

...Кто только не живет в черных поселках: учителя, цоци (бандиты), рабочие, всю жизнь щеголяющие в одном и том же свитере, молодые женщины в мини-юбках и с прическами в стиле «афро», старухи в длинных юбках и обязательных платках. Здесь важно прогуливаются щеголеватые клерки, спешат оборванные работяги и носятся дети, на чье будущее взрослые черные возлагают столько надежд. По вечерам стелется над дворами дым от костров, завывают трубы и саксофоны местных джаз-бандов, доносятся слова отчаянных, а потому не положенных по закону песен, слышны смех и крики. Но в фиолетовой, подернутой дымкой тьме ютятся и тишина, тишина любви и смерти. И сходятся люди поболтать о том о сем. О многом: о женщинах и скачках, о работе и футболе, одежде и старых временах. И о революции.

Лондон, май

Перевел с английского Б. СЕНЬКИН

МОНОЛОГИ НА ПУСТОЙ ЖЕЛУДОК

Элла ЧЕРЕПАХОВА

На пустой желудок не очень-то поспишь. Фрэнк сгорбившись сидел на подоконнике. Рань какая... Ни души... Суббота. Утренний ветерок несет по кривой улице рваную бумагу, крышки из фольги, черную городскую пыль. Замкнуто-враждебными кажутся вокруг дома. Потому, наверное, что с вечера «слепнут» окна. Весь день открытая взгляду всех прохожих жизнь в этих обшарпанных квартирах к вечеру отгораживает себя от посторонних занавесочкой, шторкой или хотя бы листом бумаги. В вечерние, а порой и ночные часы она дает о себе знать уже только запахами и звуками. Иногда это мирные звуки — стук посуды, перезвон вилок и ложек, аромат вареных овощей, жареного лука, рыбных палочек или дамплингс — кусочков теста, отваренного в воде, как наши клецки. Нередко — женские истошные крики, хриплые мужские ругательства и отчаянный детский плач, а позже — высокий, острый, выматывающий нервы вой полицейской сирены...

Воспоминание о дамплингс вызвало у Фрэнка почти колики в желудке. А ведь в школе они звали дамплингс «шлак на блюдечке», когда миссис Хоскен раздавала им еду в столовой. И саго никто сраго не называл, только «рыбий глаз». А маленькие вязкие пирожные были всем известны как «дорога к дантисту». Святой Питер! Кажется, не год прошел с тех пор, как он бросил школу, а вечность. Может, ему и не следовало делать этого, не надо было уезжать из дома сюда, чтобы попасть в этот стремительный водоворот, называемый лондонской жизнью? Примчался на палочке верхом за удачей, да кто он такой? Много таких умников нашлось. И земляки его из Ливерпуля и из других городов. Из сельских мест тоже... Налетели как саранча. Куда ни сунешься, к какой работенке ни подкатишься, там уж толпа, всегда, на любое место, даже самое паршивое...

Куда только он не тыкался — в гараж ли, на фабрику ли, на почту. Да, видно, удача у него цыганская. Всюду нетерпеливые, брезгливо морщившиеся джентльмены в шелковых галстуках и нарядных рубашках зажимают вопросами, как клещами. Не нравится им, что недоучка. А сколько же мог он сидеть на шее у матери, — на этот вопрос и они ответить не смогли б, образованные... Конечно, он был не из прилежненьких, не то что Грэм Гаррис по прозвищу Жирный Блин. Тот, что таскал с собой пластмассовую коробку с завтраками и фруктами. А по субботам (Фрэнк раз видел его) он в парке: стоит на холме с отцом и змея пускает. Хороший змей, дорогой. Из шелковой бумаги, и золотой дракон на нем нарисован. Попробовал бы проклятый Жирный Блин пожить, как он, Фрэнк, без отца. Он по субботам не по паркам ходил, а копейку зашибал.

А теперь эти джентльмены смеются над ним, дескать, ошибки делает даже в коротких словах и читает медленно. Ну и что? Руки-то у него молодые, крепкие. Жирный Блин, папенькин сыночек, тот устроился, ясное дело. У него и аттестат, и связи папашины. В какой-то фирме учеником по техническому дизайну — от ребят слышал, — уже по 40 фунтов в неделю зашибает. Далеко пойдет. Станет высоко над ним Жирный Блин, над такими, как он, ребятами: Майклом, допустим, или Линдой Амос — та все мечтала о чем-то особенном, о «красивой» работе. А нынче готова на любое место, любые условия. И многие так... Не так уж многого они хотели: быть шоферами, грузчиками, каменщиками, официантами. Не в менеджеры же лезли, не в премьер-министры... Да вот нет им места, нет хода. Не нужны...

Ситуация для Англии, увы, как типичная: Англия в глубоком кризисе, в Англии 1 430 000 человек, или шесть с лишним процентов трудоспособного населения, не имеют работы. А у безработных свои разговоры...

Прошел почтальон с большим холщовым, как у всех почтальонов, мешком для почты, перекинутым через плечо. В правой руке — связка газет.

— Хи, Кен, — закричал Фрэнк, приоткрыв окно. — Как дела?

— У меня более-менее. — Острые глазки Кена поблескивали из рыжих зарослей на щеках, висках и подбородке. — А вот с тебя и Майкла молочник обещает шкуру спустить. Уж слишком задолжали.

— Работа не подворачивается, — угрюмо сказал Фрэнк, — жду Майкла. Он еще в пять утра ушел из дому. Ему шепнули, что есть вроде местечко на ковровой фабрике.

— Ну смотрите, — сказал рыжий почтарь. — За квартиру-то плачено?

— Майкл эти дела ведет, — уклонился Фрэнк; он не рад был, что связался с этим занудой. Тоже законник, ходит, выспрашивает...

Фрэнк остервенело сплюнул и закрыл окно. С Майклом он познакомился в первые же дни бродяжничества и поисков работы в Лондоне. Майкл был черноволос, как индеец, остер на язык, независим и пронырлив — настоящий городской воробей, изрядно уже пощипанный и потрепанный жизнью, несмотря на свои 19 лет. Он пустил Фрэнка к себе в надежде, что вдвоем они осилят квартплату. А предварительно побил его в «пробной драке». Ошалевшему от неожиданного нападения Фрэнку он объяснил:

— Ничего личного. Я просто должен быть уверен, что смогу тебя выкинуть, если ты окажешься неподходящим жильцом...

В конце концов они подружились: белобрысый, высокий, медленный в движе-

ниях и размышлениях Фрэнк и быстрый, вертлявый, нетерпеливый, разбитной Майкл.

В свободное от поисков работы время, когда они валялись на своих драных тюфяках, Майкл, поблескивая черными глазами, заводил бесконечные фантастические разговоры о том, как можно быстро разбогатеть. Фрэнку отводилась роль терпеливого слушателя. Майкл запрещал ему задавать вопросы или делать замечания, которые бы портили игру, и дело кончалось ссорой, если Фрэнк нарушал запрет.

— Вот мы шляемся по Хаммерсмиту возле зала «Одеон», — начинал Майкл. — После концерта этих, Роллинг Стоунов. Детишки уже накричались, ушли, копы[1] тоже убрались. Стоуны у себя в покоях в шампанском купаются. А мы, значит, тоже при деле — шляемся возле зала, оторванные пуговицы и мелочь потерянную с земли собираем. Ходим, значит, бродим, шарим, вдруг что за черт? Стекло не стекло — блестит. Я — хвать, тру об колено — братцы! — блестит как нож в драке! Чистим мы, значит, брюки, стираем рубашки и — в лучшую ювелирную лавку — извольте оценить. Папаша, этакий старый крючок, лупу в глаз и только что не в обморок. Мой бог, да это же бриллиант чистой воды! Это же... позвольте — это зуб бриллиантовый! Вам чеком или наличностью? Ах наличностью? Тогда нужен мешок — иначе не унесете. И т. д. и т. п.

История накручивалась на слышанную от кого-то легенду о том, что Мик Джеггер (для рекламы) время от времени вставлял себе то изумрудный, то рубиновый, то бриллиантовый зуб. Вот этот-то потерянный в ажиотаже встреч с поклонницами зуб и мечтал найти Майкл возле зала «Одеон», куда им, разумеется, не случалось ни разу попасть. Не с их карманом...

Другая история начиналась с вполне жизненного описания их совместного шатания по продуктовым лавкам в поисках рекламного товара. В некоторых магазинчиках образцы нового товара, разложенного на столиках, разрешалось пробовать. И бывало, они за несколько заходов съедали почти весь рекламный сыр, печенье или колбасу. Как-то раз с голоду они наелись даже какого-то толченого жука, объявленного как острая приправа из Франции. Когда их начало выворачивать по дороге, Майкл сказал: «Я всегда считал, что «Общий рынок» — отрава».

Так вот, вторая Майклова история состояла в том, что, зайдя случайно в одну такую лавку, вроде видят они там — грабеж идет. Хозяин лежит на полу лицом вниз, хозяйка связанная под прилавком валяется. И тут они с Фрэнком приемом Джеймса Бонда вышвыривают бандюг так, что дверь с петель летит, развязывают хозяйку, поднимают хозяина.

— Вы мне больше чем жизнь спасли, — говорит им хозяин, — вы спасли мой маленький, но столь необходимый мне капитал. Просите чего хотите.

— Возьмите на работу моего дружка, — говорит им Майкл благородным голосом, — и давайте обмоем это хорошей пинтой пива.

Дальше история попадала в газеты, и сам Майкл получал предложение стать телохранителем у одного таинственного восточного человека, занятого в нефтяном бизнесе, с окладом выше некуда...

С Майклом не соскучишься... Оглядев кухонную полку, Фрэнк обнаружил лишь пару тонких кусочков белого хлеба для тостов и несколько чайных пакетиков. Радуясь, что газ еще не отсоединили за долги, как грозились, Фрэнк поставил на плиту жестяной чайник. Не успел тот запеть свою жалобную песню, как входная дверь грохнула, и вскоре встрепанный невыспавшийся Майкл появился в кухне.

— Хочешь чаю, Майкл? — Нечего было даже спрашивать, как дела. Все было написано на усталом, сером и злом лице друга.

Майкл молча развернул кулек из газеты, достал пару луковиц, большое яблоко и немного помятый грейпфрут. Это значило, что, идя через рынок, он успел подсобить кому-то из овощников. С ними редко рассчитывались на рынке деньгами.

С мрачным видом почистив и нарезав лук, Майкл завалил им кусочки хлеба и положил все это на гриль. Потом резким ударом ножа развалил надвое яблоко. Завтрак был готов. В кухне поплыли прекраснейшие из запахов — теплого хлеба, печеного лука и свежего яблока.

— Что новенького на рынке? — спросил Фрэнк, сглатывая слюну.

— Новенькие цены, — мрачно ответил Майкл. — Мясники не знают, что им делать с говядиной. Даже по уик-эндам товар залеживается, мало берут. Ходят слухи, что говядиной забиты все холодильные склады. Ребята на мясном рынке толкуют о забастовке.

Наконец-то тост с луком у Фрэнка в руке. Он откусывает понемножку, растягивает удовольствие. Майкл, держа в одной руке тост, другой разгладил старый газетный лист и углубился в чтение статьи о добыче нефти в Северном море.

— «Игра, которую мы должны выиграть», — прочел он заголовок. — Нам обещали мясо на обед в 80-м году, как только они пробурят свои проклятые дырки в дне этого проклятого моря и начнут доить черное молочко, — проворчал он, вчитываясь, — а теперь этот тип пишет, что Британия в долгах была, есть и будет и что это чертово дырковерчение обойдется каждому мужчине, женщине и ребенку к 1984 году по 400 фунтов на нос.

— А где же дети возьмут такие деньги? — удивленно спросил тугодум Фрэнк. — Банки пойдут грабить, что ли?

— Придется, видно, нам с тобой податься за границу, — сказал Майкл, складывая лист под матрас. — Все приличные люди бегут сейчас за границу. Артисты, физики и даже врачи. Моя мамаша померла раньше, чем подошла ее очередь на операцию. Сказали: не хватает специалистов по ее болезни — поудирали специалисты. Да и что им моя мамаша, в конце концов? Нас и так развелось слишком много на островах. Зимой шлялся я как-то по улице, вдруг вижу, объявление на библиотеке висит: лекция, вход бесплатный. А ну, думаю, зайду погреюсь. Иногда ведь и чай разносят в таких местах — наверное, чтоб не спали во время лекции. Ну и вот, вхожу я, сажусь, а уж он, типчик в твидовом пиджаке, говорит-говорит, быстро так и по-ученому, вроде по-английски и вроде нет. Но одно я понял: этот тип уверял, что вроде комиссия такая есть от правительства — пресекать все новые рождения. То есть не совсем, конечно, пресекать, а по деньгам глядя. Если ты при капитале — это одно, дуй, заводи наследника, ну а нет — тогда все, концы. И что благодаря такой политике бедные — очень просто — в конце концов переведутся. А то, он объяснял, не только мяса, но и хлеба даже на всех не хватит к девяностому году.

— Так ты же говорил, мясо девать не знают куда, — удивился Фрэнк.

— Мясо — это пища богатых, — объяснил Майкл, — бедные тут ни при чем. Ну я сосну немного, пожалуй.

И он поплелся в свой угол.

Фрэнк вышел на улицу. Запах теплого хлеба и яблока вдруг напомнил ему дом, и, хотя почти всю свою недлинную жизнь он мечтал убежать, уехать куда-нибудь подальше от тесноты и нужды, в которой жила его семья, сейчас тоска и безнадежность поднимали внутри какую-то тяжкую изжогу. Удивительно холодная выдалась весна.

Наткнувшись на чайную, Фрэнк подошел к стеклянной двери и увидел хозяина в белом фартуке, протирающего столы и расставляющего стулья. Он осторожно постучал в дверь, надеясь, что, может быть, есть какая-нибудь субботняя работа. Хозяин долго всматривался в него через дверь, затем покачал головой, отказывая. И тут Фрэнк увидел в стекле свое отражение — взлохмаченный, с втянутыми щеками. Длинные руки в карманах старых джинсов...

«Он боится открыть мне дверь, — догадался Фрэнк, — может, думает, что я...» Со злостью отбросил он ногой смятую жестянку из-под пива. Сколько же будет, сколько может продолжаться эта проклятущая жизнь без надежд? Кто скажет им, кто выведет их из беды, да нужны ли они кому? Или действительно бедные должны просто вымереть, как мамонты?

Сам не заметив как, он дошел до ковровой фабрики, где несколько часов простоял под воротами Майкл. И тут его прорвало. Он схватил обломок кирпича и швырнул его в окно фабричной конторы. Он стал судорожно искать еще и еще камни, банки, обломки каких-то железных прутьев и швырять, швырять, швырять в золотящиеся от солнца стекла... Звон разбитого стекла наполнял его радостью, дарил на краткий миг легкость освобождения от тяжелого, застоявшегося, темного, удушающего гнета...

Он не слышал, как подъехала патрульная машина, продолжал бить стекла в присутствии полицейских.

Происшествие попало в газеты. Все они назвали проступок Фрэнка «немотивированным вандализмом», и много было сказано кислых и горьких слов о молодежи. Фрэнк был назван «одним из тех, которыми Британии не приходится гордиться». Затем Фрэнк получил наконец работу: каждый день полицейский приводил его в большое новое здание, где он помогал рабочим клеить обои и белить. Но это продолжалось только один месяц, пока не истек срок приговора.

Лондон, май

---

[1] *Полицейские (жаргон).*

«РАЗОРУЖЕНИЕ ЕСТЬ ИДЕАЛ СОЦИАЛИЗМА»

со стр. 5 ▼

это предусмотрено Заключительным актом общеевропейского совещания — серии европейских конференций для обсуждения таких проблем и поисков их совместного решения.

Сегодня задача разоружения стоит острее, чем когда бы то ни было... Как отмечал товарищ Л. И. Брежнев, «за последние годы уже накоплена такая масса оружия, которая дает возможность несколько раз уничтожить все живое на земле». А поиски новых видов, систем оружия продолжаются. Они все более приближаются к черте катастрофических открытий. Человечество стоит на пороге открытия синтеза антиматерии.

Лазеры, новые отравляющие вещества, методы управления погодой в военных целях, новые расщепляющиеся материалы... Использование даже части такого рода средств может поставить население нашей планеты перед угрозой уничтожения.

Это не пустые слова. Не нагнетание страха. Это реальность, осознать которую человечество обязано. Советские предложения по вопросам разоружения, внесенные в последние годы в ООН, поставленные в ходе двусторонних и многосторонних переговоров с лидерами капиталистических стран, объемлют практически весь спектр решений этих сложных вопросов.

Голос разума, однако, еще не сумел остановить стремительный рост гонки вооружений. В США за последние 23 года на военные цели было истрачено 1150 миллиардов долларов. Военные ассигнования выросли с 12 миллиардов долларов в первый послевоенный год до 113 миллиардов, запрошенных ныне президентом США у конгресса; 90 процентов государственных средств, отпускаемых на развитие науки, расходуется на военные цели. Лихорадочную гонку вооружений ведут страны НАТО. Растут расходы на содержание новых средств вооружения. Годовое содержание одного танка «леопард», находящегося на вооружении бундесвера ФРГ, обходится в 55 тысяч марок, а танковой бригады — в 55 миллионов марок. Содержание одного эсминца-ракетоносца — в 6,3 миллиона марок.

Задумываются ли над этим те, кто прямо причастен к гонке вооружений? Да. В 1971 году в США вышла написанная американским журналистом К. Блэйром повесть «Страна Пентагон» (она издана в 1975 году и в нашей стране). Вот как объясняет один из героев книги, непосредственно причастный к анализу систем вооружения, причины изменения своих взглядов:

«Это длинная история, Монти. У меня появилась возможность пошире взглянуть на вещи, взглянуть, так сказать, со стороны. Все новые предложения попадают ко мне, все, чего бы они ни касались, начиная от армейского снаряжения до новых ракетных систем. Мне довелось быть свидетелем большой гонки. Вот уже 20 лет мы исходим из самых худших предположений. Используем лучшие умы нации с единственной целью: создать самые небывалые и сложные системы оружия и вынуждаем русских участвовать в этой гонке. И вот, Монти, я наконец пришел к выводу, что чем бешенее с нашей стороны гонка, тем большей опасности мы подвергаемся. Как сегодня сказал Аллен, мы израсходовали 2 тысячи миллиардов долларов за послевоенный период, а находимся в большей опасности, чем раньше. Именно эта простая мысль заставила меня задуматься. Мне кажется, что наша политика была абсурдной и что мы почти зашли в тупик. Возможно, в Москве работает такой же, как я, человек, анализирующий системы оружия. Возможно, у него возникли такие же мысли, как и у меня. Вот бы нам сесть вместе на пару часов и обсудить все. Возможно, мы сумели бы найти способ ликвидировать чудовище, пока оно не проглотило все человечество».

К этому призывают все, кто сколько-нибудь серьезно задумывается над будущим человечества. Пусть для этого потребуется не два часа и не два месяца. Главное — это то, что откладывать решение проблем, от которых зависят судьбы мира, нельзя. Сегодня эта задача стоит острее, чем когда-либо...

И все же... В попытках сохранить прибыли военно-промышленный комплекс не брезгует ничем. И ссылками на значение дальнейшей гонки вооружений чуть ли не для самой разрядки — «иначе у русских не будет никаких побудительных стимулов, чтобы добиваться этой цели» (?!). И угрозами нового роста безработицы в результате разоружения и ликвидации военного производства. И запугиванием едва ли не застоем в науке.

Никто не отрицает сложности и комплексности проблем разоружения, что, однако, не означает невозможности решить их с величайшей пользой для человечества. Пример: запрещение бактериологического оружия, как это показали данные ООН, уже высвободило значительные ресурсы, которые с пользой обращены на исследования болезней человека и животных. Если же говорить об экономических выгодах всеобщего разоружения, то средства, которые высвободились бы в оставшиеся десятилетия нашего века, могли бы составить около 4 триллионов долларов. Сумма достаточная, чтобы существенно продвинуть осуществление целого ряда мировых проектов развития.

Уже два года назад наша страна внесла в ООН предложение о сокращении прямых военных ассигнований государств — постоянных членов Совета Безопасности на 10 процентов и использовании части этих средств на оказание помощи развивающимся странам. Предложение конкретное, построенное на точных расчетах. В 1973 году прямые военные расходы этих государств составляли 135 миллиардов рублей. Значит, в год могло бы высвобождаться 13,5 миллиарда долларов. Один процент, использованный для оказания помощи развивающимся странам, составил бы около полутора миллиардов долларов.

За последние годы усилиями Советского Союза, социалистических стран, всех миролюбивых сил сделано немало для создания такого политического климата в мире, который открыл бы реальные возможности для практических шагов в области разоружения. Актом высочайшей государственной мудрости можно назвать исторический документ, увенчавший работу общеевропейского совещания в Хельсинки. По всей планете проходит сбор подписей под новым Стокгольмским воззванием за прекращение гонки вооружений, за разоружение.

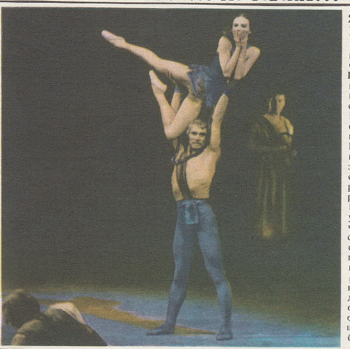
Значительный шаг вперед в создании атмосферы доверия и сотрудничества сделан за последние годы в отношениях Советского Союза и Соединенных Штатов. Человечество со вздохом облегчения встречало каждое новое соглашение между СССР и США, ставившее преграды на пути возникновения ядерной войны, дальнейшего расширения испытаний и производства наиболее разрушительных видов оружия. И хотя эти шаги не означают прямого разоружения, сокращения и уничтожения значительных масс оружия, все же в подобных переговорах накапливается энергия мирных усилий и взаимопонимания, способная привести к «эскалации разоружения». Последний успех на этом пути — подписанный 28 мая сего года Договор между СССР и США о подземных ядерных взрывах в мирных целях.

За что выступал и выступает Советский Союз, неутомимо предлагая мировому общественному мнению, народам и правительствам всех стран мира все новые предложения, направленные на решение проблем разоружения? Вот как определено понятие разоружения в «Дипломатическом словаре», изданном в нашей стране в 1973 году. «Под разоружением понимается система мероприятий, осуществление которых должно привести к ликвидации или сокращению средств ведения войны. Разоружение в буквальном смысле термина означает: роспуск государственных вооруженных сил и упразднение военных учреждений, прекращение производства и уничтожение вооружений, а также военной техники, включая полную ликвидацию ядерного оружия и средств его доставки и других видов оружия массового уничтожения, с сохранением в распоряжении государств лишь строго ограниченных контингентов полиции (милиции), вооруженных легким стрелковым оружием. Такую радикальную и всеобщую программу называют всеобщим и полным разоружением».

Именно эта радикальная программа всеобщего и полного разоружения соответствует ленинской формуле: «Разоружение есть идеал социализма». На ее осуществление в конечном счете и направлены усилия нашей партии, Советского государства. Советский Союз, как это еще раз было заявлено на XXV съезде КПСС, будет делать все возможное для дальнейшего ограничения и сокращения стратегических вооружений, всеобщего и полного прекращения испытаний ядерного оружия, запрещения и уничтожения химического оружия. Вся уже выполненная на пути разоружения работа делает не только возможным, но и необходимым созыв уже в ближайшее время Всемирной конференции, которая в комплексе рассмотрела бы все сложные проблемы разоружения. Заключение всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях не только углубило бы разрядку международной напряженности, но и лишило бы чудовище гонки вооружений его питательной среды.

Сегодня эта задача стоит острее, чем когда-либо... «В своей внешней политике, — говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — Советский Союз намерен терпеливо и последовательно искать все новые и новые пути развития мирного взаимовыгодного сотрудничества государств с различным общественным строем, пути к разоружению. Мы будем неуклонно наращивать свои усилия в борьбе за прочный мир».

У человечества есть сегодня все необходимое для того, чтобы эти светлые, желанные большинству цели стали реальностью. Земле должен быть возвращен первозданный запах трав и лесов. Моря должны стать свободными для мирных регат. Воздух должен стать колыбелью самых дерзновенных мечтаний мирного человечества, устремленного к своему звездному будущему.

200 ЛЕТ БОЛЬШОГО ИСКУССТВА

«Сила — единственная форма грации, дозволенная мужчине» — эти слова Теофиля Готье вынес западногерманский журнал «Штерн» в подпись к фотографии советского танцовщика Владимира Васильева. Фотография эта — одна из многих, иллюстрирующих материал о 200-летии Большого театра. «Штерн» пишет: «Вместе с СССР самую знаменитую сцену страны чествует весь мир. Часто говорят: «Россия без балета все равно что Италия без оперы». Конечно, это литературное преувеличение, но надо сказать, что русский балет по праву считается полномочным представителем страны. А уж о популярности его и говорить не приходится.

Русский балет пережил трудности войн, разрухи, он голодал вместе со страной — и он рос вместе с ней, и сегодня он еще более способен восхищать публику, чем когда-либо».

ИНФЛЯЦИЯ. Это весьма неприятное слово американские фальшивомонетчики произносят теперь с тем же кислым видом, что и слово «полиция», пожалуй, оно им даже более не понутру (с полицейскими еще хоть както сговориться можно, в долю взять, а вот инфляцию не уломаешь!). Судите сами: в 1966 году выручка от одного фальшивого банкнота составляла в среднем 14 долларов 30 центов. В 1975 году эта сумма достигла 23 долларов 18 центов — скачок на 62 процента. Вроде бы радостное для мошенников явление. Но... на эти же 62 процента поднялся и уровень розничных цен. Фальшивомонетчики пытаются найти выход из кризисного положения: печатают большее количество банкнотов высокой стоимости — дело в этой рискованной профессии самое рискованное. И все же, как ни крути машину, за инфляцией не угонишься. Один из сотрудников отдела ФБР по борьбе с фальшивомонетчиками признается: «Работать стало труднее — люди невнимательны к стремительно обесценивающимся деньгам, но нынешнее положение все-таки раем для мошенников не назовешь — на фальшивый доллар много теперь не купишь, — и добавляет: — Впрочем, как и на настоящий».

ЖИВАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН...

Много воды утекло с тех незапамятных пор, когда люди соорудили это громадное деревянное колесо... А оно все вертится, все гонит живительную влагу по древним акведукам в дома и на поля — как бескорыстный дар от неведомых предков неведомым потомкам. Кое-где в Сирии еще сохранились, еще действуют эти деревянные прообразы современных ирригационных систем. Но от ныне живущих их потомкам достанется несравненно более богатый дар — гигантская плотина и электростанция на реке Евфрат. ГЭС уже частично работает, в этом году будут пущены еще три турбины. Включенная на полную мощность, она будет давать более двух миллиардов киловатт-часов в год, или вчетверо больше, чем производится сейчас во всей Сирии. Искусственное море, которое накопит плотина, будет иметь площадь в 630 квадратных километров, и напоит оно 640 тысяч гектаров земли. В осуществление этого проекта вложили свой труд, опыт, знания и советские люди.

«МНЕ УДАЛАСЬ МОЯ ЖИЗНЬ»

Этот снимок сделан за кулисами нью-йоркского концертного зала Карнеги-Холл: замечательный пианист Артур Рубинштейн старательно пытается скопировать горделивое выражение собственного скульптурного портрета. В этот день пианисту исполнилось 89 лет, это был его «именинный» концерт. «Ах, как я бесстыдно счастлив сейчас, — смеясь, говорил Рубинштейн, — поверьте, я самый счастливый человек, которого я когда-либо встречал. Мне удалась моя жизнь. И знаете почему? Потому что я впитывал жизнь такою, какая она есть. Все должно идти своим чередом: вы не сможете насладиться печалью, если никогда не были веселы, а счастье приходит только к тем, кто позволял себе быть несчастным. Нас осталось мало — поколения, которое испытало все удары XX века, но вопреки этим ударам, а может быть, и благодаря им мы любили жизнь. У меня были прекрасные друзья — Пикассо, Кокто, Хемингуэй, я люблю свою жену Нелу — вот уже 43 года, как мы вместе. Я люблю своих четверых детей, и до сих пор я обмираю от страха перед первым аккордом. Я люблю свою публику, я понял — успех скучен, поэтому я рад, когда критики меня ругают. Каждый мой день наполнен работой и радостью. И понял я еще вот что: лишь в старости человек может познать правду юности. Поэтому я сейчас моложе, чем семьдесят лет назад, а цифры меня не пугают».

ПРИВИДЕНИЯ. Где в Лондоне живут привидения? В замках, в Тауэре? Да, конечно, но не только там, утверждает Джек Халлам, автор книги «Лондонские привидения». Без тени английского юмора он указывает десятки адресов, по которым «прописаны» привидения, включая пабы (пивные), парки и даже станции метро. Нет, книга Халлама отнюдь не «роман ужасов». «Хотя привидения и пользуются дурной репутацией, — пишет он, — в сущности, они милые и безобидные существа, и многие владельцы домов и замков легко с ними уживаются». Между прочим, в «справочнике» Халлама приводятся данные одного опроса, который показал, что каждые 15 из ста жителей города Шропшира верят в существование привидений. Людям всегда хочется верить в хорошее...

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН... В УШАХ

Фанатичным поклонникам поп-музыки надлежит принять срочные меры, если они и дальше желают сохранить слух, — к такому выводу пришли специалисты Британского политехнического института в Лидсе. Они изучали проблему влияния мощного звучания в одном из молодежных клубов Йоркшира, обследовав 316 молодых людей в возрасте от 14 до 19 лет. Результат вышел следующий: у тех, кто регулярно посещает «звуковую баню», снижение слуха произошло в среднем на 4 децибела. А у самых рьяных — на 14 децибелов. Это уже серьезно, потому что потеря в 25 децибелов означает, что человек с трудом улавливает нормальную речь.

Установлено, что человеческое ухо не в состоянии долго переносить звук силой 90 дБ. Это предел. Однако большинство групп во время концерта активно «превышают звуковой порог». Ну а во время поп-фестиваля картина становится и вовсе чудовищной. Так, в 1969 году на фестивале в Вудстоке стояли усилители в 1000 ватт; в 1970-м на таком же мероприятии на острове Уайт динамики были по 3000 ватт. Но это уже старые песни. Сегодня группа «Грейтфул Дед» запускает свои композиции через 641 громкоговоритель мощностью 26 400 ватт! Хоть святых выноси. Но выносят слушателей.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

«Ровесник» уже писал об Алане Прайсе — в № 2 за 1976 год. По просьбе читателей мы публикуем песню из кинофильма «О, счастливчик!».

1. If you have a friend on whom you think you can re-ly - you are a lu-cky man.
2. If you found a mea-ning of the truth and life of world you are a lu-cky man.

If you found a rea-son tell of all him not to-day - you are a lu-cky man.
This know-ledge change a-rond your neck Like rose in-stead of chain - you are a lu-cky man.

Prea-chers and boys, scar-lets or noise, temp-les and stand-fasts, and peo-ple won't choose. If you've come to sec-ret, you try not to show - stay a lu-cky man. a lu-cky man.
Ba-kers and barbers and charters won't tell you tea-chers and prea-chers would just buy and sell you. When no-one can change you, what-e-ver on hell, you'll be a lu-cky man.

Coda. You'll be that on just far, you'll be just what you are, you can be what you are, if you are what you are, re-mem-ber, Lu-cky man! Oh, yes, a lu-cky man, a lu-cky, a lu-cky, a lu-cky man, a lu-cky, a lu-cky, a lu-cky man.

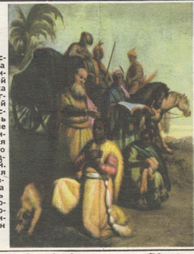

«ВЫ УВОЛЕНЫ, ГЕРР 261129370548»

Перспектива внедрения этой фразы в обиход западногерманской жизни не за горами, судя по статье в журнале «Штерн», открывающейся выразительной иллюстрацией. Для удобства обработки разросшихся электронных досье на каждого жителя ФРГ, возможно, уже в этом году будет введена система персональных 12-значных шифров. Но и сейчас 22 тысячи компьютеров, принадлежащих различным организациям, способны в мгновение ока выдать подробную информацию о любом гражданине — начиная с детского прозвища и кончая его суждениями по поводу войны во Вьетнаме или нынешнего положения в Чили. И тогда может прозвучать роковое: «Спасибо за услуги, герр 261129370548, прощайте».

НА ЭТОТ РАЗ — НЕ ПОДДЕЛКА!

Разве мог Генри Дефоер, 37-летний искусствовед из Утрехта, отправляясь два года назад исследовать языческую статую, принадлежавшую пожилой жительнице восточной Голландии, предположить, что эта поездка станет классическим примером того, как иногда случайно находятся шедевры мировой живописи? В доме женщины внимание искусствоведа привлекла картина, которая очень напоминала раннего Рембрандта. Дефоер, не будучи сам специалистом по Рембрандту, пригласил ученых для негласного исследования полотна. Наконец, специалисты торжественно объявили: да, это Рембрандт, к тому же одно из самых ранних его произведений. «Крещение Камерлинга» — так называется картина (надо сказать, она нуждается в серьезной реставрации) — создана в 1626 году, когда художнику было всего 20 лет. Подлинность картины была подтверждена многими экспертами, в том числе профессором Хорстом Джерсоном, который за свою многолетнюю практику разоблачил около 200 подделок картин Рембрандта.

ДОКЛАД, СДЕЛАННЫЙ В XXII ВЕКЕ НА СЕССИИ АИПС[1] И ПОПАВШИЙ ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ В ВЕК XX

Я обнаружил предлагаемый вниманию читателя документ на своем столе. Как он там оказался? Сам не понимаю... Документ этот, или, скорее, клочки его, обрывки, возник (или возникли?) в XX веке, попав (или появившись?) из... XXII века, проникнув, я так полагаю, сквозь некую дыру во времени. (Может быть, она и в самом деле существует? Может, она вовсе не выдумка научных фантастов?) Что же представляет собой этот документ? Вероятнее всего, доклад, доклад на спортивную тему, связанную с олимпийским движением, значит, у них там, в XXII веке, оно есть и, похоже, процветает, и все проблемы, тревожащие нас, решены, но доклад, видно, исторический, и речь идет о наших проблемах, для них исторических, а для нас актуальных, потому и читать интересно — мне лично, во всяком случае: как будто на меня направлен из будущего колоссальный микроскоп.

Вот он, этот документ. Вернее, отрывки, разрозненные странички — в том порядке, в котором они лежали на столе, неизвестно откуда взявшись.

...жаемые коллеги, даже обращаясь на два века назад, мы видим олимпийские достижения, моральная стоимость которых не может быть измерена абсолютными цифрами — но лишь относительными. 4 минуты 45,19 секунды — время победительницы зимней Олимпиады 1976 года в Инсбруке на дистанции 3000 метров Татьяны Авериной по сегодняшним меркам не такое уж поразительное, не правда ли?.. Но вы напрасно торопитесь улыбнуться, коллега в третьем ряду слева. Я сообщу вам факт выдающегося значения. Известно ли вам, что вторая на этой дистанции — Андреа Мичерлих — проиграла Авериной четыре сотых секунды! Другими словами, сорок сантиметров из трех тысяч метров! Вот сколь острой была спортивная борьба в те давние годы, вот на каких примерах упорства и мужества нам надо воспитывать совре... (страница оборвана).

...пинг и антидопинг. Вряд ли кто-нибудь сегодня помнит о печальном инциденте двухвековой давности, когда спортсменка была лишена золотой медали за то, что накануне ночью ввела в носовую полость 2—3 капли широко распространенного в древности лекарства для лечения насморка. Я снова вижу улыбку на лице коллеги в третьем ряду слева. Но я вижу также, что наш уважаемый сочлен из Африки, кажется, вынужден излишне часто прибегать к помощи носового платка. **(С места — «Апчхи!». Оживление в зале.)**

Будьте здоровы. Итак, вам всем известно, что если, скажем, с раком — этим бичом наших далеких предков — было покончено еще в XXI веке, то к насморку и сейчас применима старинная шутка: «Если его лечить, он пройдет за две недели, а если не лечить — за четырнадцать дней».

Поймем же состояние той спортсменки, учитывая все привходящие обстоятельства. Как известно, борьба с применением так называемых допингов — искусственных стимуляторов — велась Международным олимпийским комитетом начиная с 60-х годов XX века. К 1976 году, о котором я упоминаю, список препаратов, запрещенных к употреблению спортсменами во время соревнований, насчитывал 112 наименований, к 1996 году — уже 945, и среди них были внешне вроде бы невинные. Мои компетентные коллеги, полагаю, знают, что организм спортсмена, находящегося на так называемом пике формы, чрезвычайно уязвим, подвержен малейшим инфекциям. Представьте ситуацию, при которой, несмотря на это, человек боялся применять лекарства, поскольку не был уверен, что там не содержатся запрещенные вещества... С другой стороны, честолюбивые «пираты в белых халатах» подсовывали мировому спорту все новые стимуляторы: то анаболические стероиды — гормональные препараты, искусственно увеличивающие объем мышц (но заодно и разрушающие печень), то аутогемодиффузию — могучее и страшное средство, связанное с переливанием крови и ведущее, как выяснилось позднее, к смертельным заболеваниям крови.

Тихая война спортивных медиков вызвала в 20-х годах XXI века ряд громких судебных процессов и завершилась подписанием Международной конвенции о защите здоровья спортсмена и чистоты спортивного движения.

Должен напомнить коллегам и о том, что один из параграфов упомянутой конвенции резко ограничивает участие детей и подростков в соревнованиях взрослых спортсменов.

---

[1] *АИПС — Международная федерация спортивной прессы.*

Дело в том, что в 60-х годах XX века и позже едва ли не главной спортивной сенсацией было появление в некоторых видах спорта малолетних чемпионов и рекордсменов. Сторонники воспитания этих чемпионов и рекордсменов — так называемого «омоложения спорта» — заявляли, что поскольку в юном возрасте костно-мышечный аппарат гибче, координированнее, а нервная система — свежее, нежели во взрослом, то для пользы дела следует считать «взрослыми» четырнадцатилетних, двенадцатилетних... даже десятилетних спортсменов (в первые годы XXI века доходило и до подобной нелепости!). Противники омоложения резонно возражали: понятие сиюминутной пользы без заботы о будущем привело уже и к загрязнению водных бассейнов Земли, и к вырубке лесов — неужели к людям, своим собратьям, наконец, к детям, нашему общему достоянию, мы будем более жестоки, нежели к природе?..

Вопрос с места: «Не преувеличивает ли коллега?»

— Представьте, уважаемый собрат, что физические и моральные нагрузки, которым подвергают себя наши чемпионы — люди, согласитесь, зрелые, — на вашу долю выпали в двенадцатилетнем возрасте!.. Долго ли вы выдержите? Вы знаете, что в XX веке ветеранами называли не только тридцатилетних, но даже порой двадцатипятилетних спортсменов?.. Как посмотрим на это мы, когда средний возраст жителей планеты сегодня составляет 109,5 года? А среди нас, шестидесятилетних, я вижу немало активных участников нынешней Олимпиады. Более того, я хочу приветствовать нашего страдающего насморком коллегу, который, если мне не изменяет память, завтра стартует в своей девятой Олимпиаде! **(Аплодисменты.)**

Надеюсь, легкое недомогание не помешает ему одержать такую же замечательную победу, как и четыре, и восемь лет назад! **(Аплодисменты.)**

Не доказывает ли это, что... (страница оборвана).

...гда нашим предкам казалось, что так называемый профессиональный спорт не только имеет будущее, но и в состоянии потеснить с некоторых позиций любительский? Эта мысль представляется нелепой сегодня, потому что мы не можем представить положения, при котором такое естественное, доступное и необходимое занятие, как спорт, вообще может сделаться профессией. Нельзя же профессионально спать или профессионально есть! **(Оживление в зале.)**

Но архивные материалы полуторавековой или двухвековой давности демонстрируют нам странные и чудовищные извращения. Оказывается, спортсменов — в частности, футболистов — в некоторых странах можно было покупать и продавать, подобно рабам или крепостным крестьянам, — вспомните школьный курс древнейшей истории! Может быть, не обладая достаточно тонкими познаниями в языке того времени, я слишком буквально понял некие идиомы... Но другие исследования наводят на мысль о том, что в некоторых капиталистических государствах спортсмены, как и рабочие, подвергались эксплуатации предпринимателей. Так, я натолкнулся на эпизод, связанный с типичным случаем локаута. Японская текстильная фирма «Тамурабо» в связи с финансовыми затруднениями уволила игроков женской гандбольной команды «Тамурабо хандбору», одной из известнейших в Японии. Эта команда, оказывается, была создана для рекламы продукции фирмы, так же как ряд других команд — волейбольных и футбольных, тоже упраздненных ввиду экономического кризиса.

Да, дорогие коллеги, XX век принес мировому спорту еще одну непонятную нам болезнь — коммерциализацию. Коллега в третьем ряду слева, вы напрасно заглядываете в словарь — это слишком новое издание, там нет подобного понятия... Представляется чрезвычайно наивным, даже дикарским, взгляд тогдашних людей на предметы быта. Эти предметы, похоже, казались им необходимыми не потому, что были хороши сами по себе, прочны и удобны, но лишь по той причине, что аналогичными или похожими пользовались другие — в основном известные лица. Однажды я увидел на обложке древнего еженедельного издания фотографический снимок велосипедиста, устремившегося на финиш с красиво раскинутыми руками. Каково же было мое удивление, когда я прочел, что жест был предназначен для того, чтобы публика увидела название торговой фирмы, написанное на майке спортсмена. Как это смешно и жалко!

...дебаты о расширении программы Игр. Не думайте, что это был простой вопрос — отнюдь нет! С одной стороны, в олимпийское движение в конце XX века вовлекались все новые и новые страны, которые хотели быть представлены в программе не только традиционными, но и своими национальными видами... С другой стороны, намечалась тенденция — в погоне за количеством медалей — бесконечно дробить виды спорта, вводя новые и новые их разновидности, новые, скажем, дистанции. Как вы сами понимаете, даже 100 метров — кратчайшее расстояние в нынешних спортивных программах — можно поделить на два отрезка по 50 метров, на четыре по 25 и так далее... Во второй половине XX века, к примеру, представители США, где было особо развито плавание, стремились наводнить программы Игр огромным количеством плавательных номеров.

Наконец, нельзя не констатировать, что бурный технический прогресс сам по себе порождал новые виды спорта или видоизменял старые. Представьте, например, что в конце XX века состязания на автомобилях — транспортных средствах с двигателем внутреннего сгорания — свелись к головоломным в буквальном смысле слова гонкам болидов на колесах, мчавшихся с нелепой скоростью 350 километров в час и готовых ежеминутно взлететь на воздух. Ведь случайный камешек, отброшенный колесом, мог пробить тончайший, облегченный до предела корпус, и сотня литров высокооктанового горючего обращалась в столб пламени...

Вопрос о включении этих гонок в программу Игр отпал, впрочем, сам собой в середине прошлого века, когда и автомобильный транспорт сделался анахронизмом. В середине нынешнего столетия, как вы помните, ЮНЕСКО запретила гонки межпланетных ракет и само употребление их в качестве спортивных судов. Тогда же МОК принял важнейшее решение, сосредоточившее программу Игр в кругу так называемых естественных для челове... (далее страница оборвана).

...видно, с чем труднее всего было бороться, — это разрыв между спортсменом и любителем спорта. Ни для кого из нас не секрет, что на определенной ступени развития спорту угрожала опасность перерождения из всеобщего и необходимого каждому человеку занятия в разновидность наркотика для миллионов жителей планеты. Спорт стал по преимуществу зрелищем, причем зрелищем телевизионным, то есть не требующим от зрителя усилий даже на поездку на стадион. Огромный цветной стереофонический и стереоскопический аппарат переносил зрителя с континента на континент, с турнира на турнир, сам же зритель мог лежать на диване, пощелкивая переключателем. Не одно поколение вялых, рыхлых, ожиревших любителей-знатоков прошло перед нами, пока мы — я имею в виду наших предков, конечно, — не решили твердо, что такой «спорт» не только не нужен, но и вреден миру, пагубен для развития человечества. И то, что открывающиеся завтра семьдесят первые летние Олимпийские игры станут соревнованием для всего мира, что в каждом виде программы одновременно с олимпийцами будут стартовать практически все, кто на это способен, то, что мы ожидаем от «домашних Игр» результатов порой высших, чем здесь, в столице Олимпиады, то, наконец, что вчера нами принято решение вручать награду любому, кто...

К сожалению, на этом рукопись обрывается окончательно. Мы так и не узнали, как решили наши далекие потомки один из кардинальных вопросов развития спорта. Не узнали мы, к сожалению, и того, какие новые проблемы выдвинул спорт перед гражданами XXII века, а не выдвинуть их он не мог, потому что всегда служил, служит и будет служить огромной лабораторией для изучения потенциальных возможностей человека и человечества.

Так обстоит дело и сегодня, в дни двадцать первой Олимпиады, и так будет оно обстоять, как мы убедились, в дни семьдесят первой.

Рукопись обнаружил С. ТОКАРЕВ

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление А. В. Громова.
Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5.
Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 17/V 1976 г. Подп. к печ. 21/VI 1976 г. А05125. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 885.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4 Сущевская ул., 21.

В феврале этого года в Берлине состоялся очередной, шестой, Международный фестиваль политической песни. Впервые в нем принимал участие певец из Анголы — Сантокас. «Обстановка в стране, — сказал он, — требует от нас, исполнителей и авторов политической песни, яркой публицистичности, прямой агитационности. Колонизаторы, естественно, не заботились о всеобщей грамотности ангольского народа, поэтому идеи, выраженные в доступной всем песенной форме, находят путь к сердцам людей скорее, чем, скажем, через газеты или другие печатные издания. Такова и «Народная власть» — песня-плакат Народного движения за освобождение Анголы — МПЛА».

НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ

Слова и музыка Антонио Себастиа Винсенте
Русский текст Л. Воропаевой

Если власть у народа —
Значит, плохо тем, кто против него. | 2 раза
У свободы и ее истоков
Столько есть еще врагов жестоких...
Вперед, народ моей Анголы,
Защищать страну
От вражьих смут.
Вперед, народ моей Анголы,
Защищать страну
И мирный труд.

Продолжается борьба за свободу,
Будь непреклонен,
Народ Анголы! | 2 раза

И в авангарде народа
Всегда была
Лишь МПЛА! | 2 раза

В борьбе, о мой народ,
С тобой всегда —
Против войн и зла
Лишь МПЛА! | 3 раза

O poder popular
E a causa desta confusao
Os lacaios do imperialismo
Pretendem acabar conosco.

Avante, o povo angolano,
Bem vigilante
Nao se deixe vender!
Avante, o povo angolano,
Bem vigilante
Que a luta continua!

A vanguarda do povo
angolano
Nos sens ideais do povo
Que ordena:
O MPLA é o povo,
O povo é o MPLA.

Uma só nagão!
Um só povo!
Com MPLA
povo no poder!

Индекс 70781
Цена 20 коп.